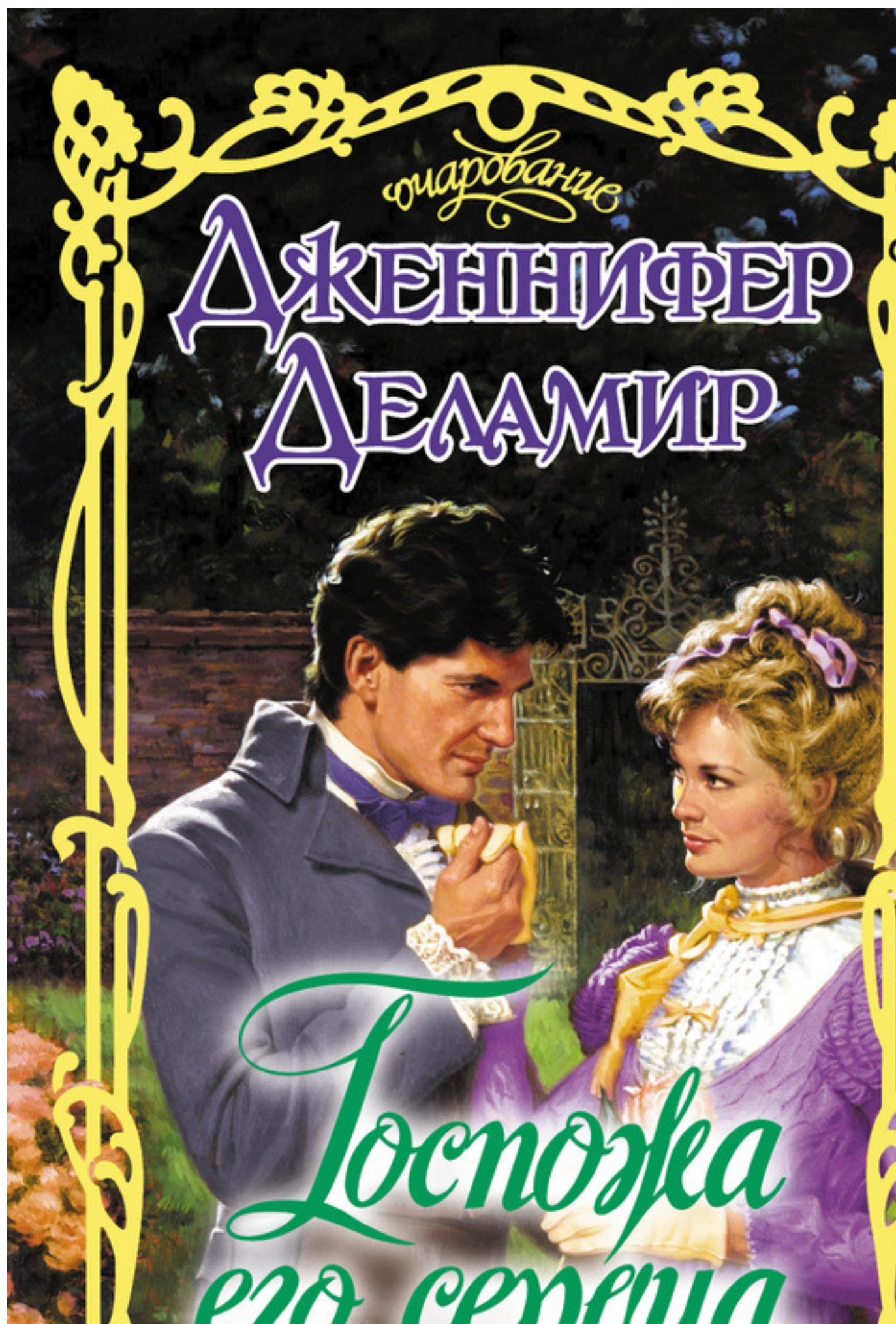

очарование

ДЖЕННИФЕР ДЕЛАМИР

Лосподжа
его сеница

Дженнифер Деламир
Госпожа его сердца
Серия «Милость любви», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8509407

*Госпожа его сердца: роман / Дженнифер Деламир; пер. с англ. И.А. Франк-Каменецкой.: АСТ;
Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080988-2*

Аннотация

Лиззи Пул навеки погубила свою репутацию, совершив в юности легкомысленный проступок, и, опозоренная, скрывается в добровольном изгнании. Теперь она, выполняя последнюю волю своей лучшей подруги Риа, с которой необычайно похожа, вынуждена вернуться в Лондон, чтобы начать все сначала – уже под чужим именем...

Отныне перед Лиззи открыты все пути, ее благосклонности ищут самые знатные и элегантные холостяки столичного света. Но, увы, счастливцев, завладевший ее сердцем и пробудивший пламя страстной любви, – человек, который не может стать ей мужем, ведь это не кто иной, как суровый, целомудренный, религиозный Джеффри Саммервил, младший брат покойного супруга Риа...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дженнифер Деламир

Госпожа его сердца

*Как далеко восток от запада,
так удалил Он от нас беззакония наши.
Благослови, душа моя, Господа!*

Псалом 102

Jennifer Delamere
AN HEIRESS AT HEART

Перевод с английского И.А. Франк-Каменецкой

Компьютерный дизайн Г.В. Смирновой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения автора, издательства Grand Central Publishing и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Jennifer Harrington, 2012

Пролог

*Австралия, Новый Южный Уэльс
Февраль 1846 года*

– Друзья мои, за этим перевалом раскинулась великая равнина Батерст!

Эту краткую, но прочувствованную речь произнес всадник, возглавлявший караван из четырех воловых упряжек – больших двухколесных телег, тяжело груженных разнообразными припасами.

Лиззи Пул привстала со своего места в одной из повозок, чтобы впервые взглянуть на долину у подножия Голубых гор.

Долгое путешествие из Сиднея близилось к концу. Три дня они ехали по узкой извилистой дороге, проложенной между глубокими ущельями. Крутые подъемы сменялись не менее крутыми спусками, поворот следовал за поворотом, а леса местами были настолько густыми, что кроны деревьев заслоняли небо. Лиззи уже почти потеряла надежду когда-нибудь выбраться из этих зарослей. Кроме того, ей совсем не нравилась птица под названием кукабара, чьи истошные крики очень напоминали хохот безумца.

И вот наконец-то яркое солнце! Возчики остановили телеги на гребне горы, откуда открывался захватывающий вид на долину. Сменяя могучие скалистые уступы, на многие мили к западу расстился зеленовато-бурый ковер, сотканный из деревьев и трав, с яркими вкраплениями полевых цветов и синими отблесками далекой реки. Лиззи провела четыре месяца, глядя на бескрайние океанские просторы, и все же мир никогда не казался ей таким огромным, как сейчас.

Она повернулась к своему брату, шедшему рядом с повозкой:

– Том, какое великолепие, правда?

– Да, – согласился он. – Кажется, тут легко уместится вся Англия.

Судя по выражениям лиц, восторженное благоговение Лиззи и Тома вполне разделяли и все остальные новые поселенцы. Их было семеро – трое мужчин, нанятых в работники на овцефермы прямо у трапа корабля, прибывшего в Сидней, и священник с женой и двумя детьми. Преподобному Грину предстояло окормлять паству в скромной церкви Батерста.

Проводнику, мистеру Эдварду Смиту, очевидно, понравилась их реакция на происходящее. Он распростер руки в стороны и с воодушевлением продекламировал:

Долина дивная предстала перед нами,
Как пред Израиля сынами
Благословенный Ханаан.

Лиззи улыбнулась. Стихи вполне соответствовали моменту, а красивый темноволосый мистер Смит с его выразительными карими глазами мог бы с успехом выступать на театральных подмостках. К тому же в нем бурлила молодость. На вид ему, как и Лиззи с Томом, было лет двадцать с небольшим. Но вот что удивительно – безупречное произношение выдавало в нем английского джентльмена, и тем не менее он явно чувствовал себя совсем как дома в этих диких суровых краях.

– Ханаан, – мечтательно повторила миссис Грин, сидевшая в повозке и прижимавшая к груди младенца. – Да, наверное, Земля обетованная была столь же прекрасна.

Волы медленно тронулись с места, а Лиззи под скрип колес погрузилась в глубокие раздумья. Покидая Англию, они с братом стремились оставить позади прошлую жизнь. Том

уверял, что здесь у них появится возможность начать все заново и обрести счастье. Только бы он оказался прав!

Примерно через час они увидели с десяток мужчин, копавших канаву вдоль обочины дороги. На этих несчастных невозможно было смотреть без содрогания. Грязные и одетые в лохмотья, они с мрачным упорством работали под надзором трех конвоиров – всадника, отдававшего приказание, высокого загорелого молодца с дробовиком и огромного детины, орудовавшего плетью.

Заметив караван, командир поспешил ему навстречу, обменялся приветствиями с мистером Смитом и несколько минут ехал с ним рядом. Но остальные конвоиры продолжали покрикивать на жалких оборванцев, заставляя их трудиться без передышки.

– Перед вами капитан Маккэн, – объявил мистер Смит, повернувшись к своим спутникам. – Он отвечает за порядок и безопасность на этой дороге.

– Добро пожаловать, – сказал капитан, направляя лошадь вдоль каравана, чтобы поздороваться с каждым из путешественников. – Рад видеть новых желающих поселиться в нашей долине. – Он увидел Лиззи, с удивлением приподнял брови и обернулся: – В чем дело, Смит? Неужели вы возили с собой жену в Сидней и обратно?

В глазах мистера Смита вспыхнули веселые огоньки.

– Нет, сэр, – ответил он. – Позвольте представить вам мисс Пул и ее брата. Они на днях прибыли из Англии.

Капитан на несколько секунд застыл в недоумении. Потом кашлянул, смущенно улыбнулся и приподнял шляпу.

– Прошу прощения, мисс.

– Скажите, вон те люди это... ссыльные? – нерешительно осведомилась жена священника, указывая на работников.

– Они самые, мэм, – подтвердил капитан. – Мы привели их сюда чинить водостоки.

Двое ссыльных отвлеклись, чтобы посмотреть на повозки, но здоровенный конвоир тотчас пустил в ход плетель и вынудил их вернуться к работе.

– Бедняги, – вздохнула миссис Грин, вторя мыслям Лиззи.

– Не слишком жалеете их, мэм, – возразил капитан. – Им некого винить, кроме самих себя. Они причинили много зла и теперь всего-навсего получают по заслугам.

– Что же такого они натворили?

– Тут в основном воры, – ответил капитан. – Хотя некоторые – еще и убийцы. Мой вам совет: держитесь от них подальше.

Двоим ссыльным – уже другим – все-таки удалось проводить повозки угрюмым взглядом, и надсмотрщики этого не заметили.

Сын преподобного Грина повернулся к отцу:

– Папа, а Бог уже простил этих людей?

– Да, если они раскаялись и попросили Его о прощении.

– Вы в самом деле верите, что все так просто? – спросил Том. – Разве Господь не карает за грехи?

Священник пристально посмотрел на него, но Том оставался спокоен и невозмутим. Однако Лиззи тотчас догадалась, о чем он думал. Четыре месяца назад Том убил на дуэли Фредди Хайтауэра. Не дожидаясь, пока это сделает Господь, он сам покарал человека, который соблазнил его сестру, увез ее в Европу, а потом бросил. Вспоминая то злосчастное промозглое утро, когда Том, весь в крови, вернулся домой и рассказал ей о поединке, Лиззи до сих пор дрожала от ужаса. Конечно, Фредди поступил с ней очень жестоко, но она не желала его смерти, тем более – от руки ее брата.

– Когда мы обустроимся на новом месте, может, вы придете ко мне в церковь? – предложил Тому священник. – Тогда мы спокойно и подробно все обсудим.

– Благодарю вас, сэр, – кивнул Том.

Лиззи сильно сомневалась в возможности такого разговора. Том не раз объяснял ей, что должен был отомстить за нее, и никто не заставит его думать иначе. Она не решалась с ним спорить, хотя знала: роковая дуэль, оставившая шрам в его душе, не давала ему покоя. Лиззи испытывала те же чувства – терзалась горькими сожалениями и не находила для себя оправданий. Ведь именно ее легкомыслие стало источником всех бед.

Как выяснилось, капитан тоже не оставил без внимания вопрос, заданный Томом.

– Одно могу сказать наверняка: закон неумолим и карает беспощадно. Эти люди, – он пренебрежительно указал на ссыльных, – будут расплачиваться за содеянное до конца своих дней. Такая участь хуже смерти. Радуйтесь, что приплыли в Австралию свободным человеком.

Сам того не ведая, капитан попал в самую точку. По закону дуэль приравнивалась к убийству. Если бы Тома арестовали, то вполне вероятно, что ему пришлось бы плыть в Австралию в кандалах. Однако он избежал ареста. Дуэль и отплытие в Сидней состоялись в один и тот же день, и это не было случайным совпадением. Том все продумал заранее, но посвятил Лиззи в свой замысел только после поединка. А через несколько часов брат и сестра, не оставив следов для возможных преследователей, покинули Англию и отправились туда, где никто не знал о неприглядной истории, вынудившей их распрощаться с родиной.

И вот теперь они ехали по залитой солнцем долине. Прошлое казалось сном, но в настоящее тоже верилось с трудом. Сейчас, в феврале, здесь царило цветущее лето, и все вокруг было чужим и незнакомым.

Смогут ли они освоиться в этом новом, непривычном для них мире?

Мистер Смит уверял, что именно так и будет. Они познакомились с ним, как только сошли на берег в сиднейском порту. Энергично протиснувшись сквозь толпу, он представился и сразу предложил им работу на одном из самых больших ранчо в долине Батерст. Хозяин ранчо поручил мистеру Смиту встретить долгожданный корабль с новыми переселенцами и нанять тех, кто потолковее и покрепче. В последнее время ссыльных направляли в другие районы Австралии, и Новый Южный Уэльс испытывал острую нехватку рабочих рук.

– Моя жена будет необыкновенно счастлива познакомиться с вами, мисс Пул, – сказал мистер Смит, когда они согласились ехать с ним.

С тех пор прошло всего три дня, но он успел повторить эту фразу столько раз, что Лиззи сбилась со счета.

– Очевидно, миссис Смит не хватает женского общества? – однажды поинтересовалась она.

– Ей не хватает настоящей подруги. Но с вашим приездом она у нее появится, вот увидите.

Лиззи пыталась расспросить проводника более подробно, однако решительно ничего не добилась. Она уже не знала, что и думать об этой таинственной миссис Смит.

Ближе к вечеру они наконец добрались до Батерста и остановились у порога дома, в котором им предстояло разместиться на ночлег. Вывеска над входом утверждала, что перед ними – «Королевский отель». Не слишком ли громкое название для деревянного двухэтажного здания? Впрочем, после трех ночей, проведенных на голой земле, любое сооружение, где имелась кровать, можно считать дворцом.

Том помог Лиззи выбраться из повозки. Мистер Смит, как обычно державшийся впереди каравана, спрыгнул с лошади. И тут раздался ликующий женский возглас:

– Эдди, ты вернулся!

Изящная юная леди устремилась ему навстречу, заключила в объятия и с жаром поцеловала. Ее шляпка сбилась на затылок, что позволило Лиззи и Тому рассмотреть лицо незнакомки.

– Ну и ну! – изумился Том. – Лиззи, вы с ней похожи как две капли воды.

Он не преувеличивал. Сходство действительно поражало воображение – тот же оттенок белокурых волос, те же черты лица, та же фигура. Цвет глаз с такого расстояния определить было трудно, но Лиззи почти не сомневалась, что они голубые. Она словно смотрела на свое отражение в зеркале.

Том широко улыбнулся.

– Теперь понятно, почему Смит первым делом засыпал нас вопросами о нашей семье.

– Да, верно. И он как будто расстроился, узнав, что у меня нет сестры, – вспомнила Лиззи. – Должно быть, в первый момент он принял нас за родственников.

Мистер Смит, ласково удерживая жену за руки, отступил на шаг.

– Дай-ка я на тебя посмотрю. Неужели ты приехала в город только для того, чтобы встретить меня?

Но, дорогая, боюсь, твое поведение шокировало моих добрых спутников, – произнес он с укоризной, которая никого не могла обмануть. На самом деле ему очень понравилось столь пылкое приветствие.

– Ах, Эдди, я больше не могла ждать! Тебя не было целую вечность!

Они смотрели друг на друга с такой нежностью, что Лиззи почувствовала острый укол зависти. Ей тоже довелось испытать любовь – не менее сильную, но куда менее счастливую. Любовь принесла ей только позор и страдания. Жестоко обманувшись, она больше никогда не осмелится любить так открыто и простодушно.

– Рия, милая моя, не хочешь ли ты поинтересоваться, что я привез тебе из Сиднея? – спросил мистер Смит.

– У тебя есть для меня подарок?! – обрадовалась она. – Какой же?

– Сейчас увидишь, – ответил он, увлекая жену за собой.

Сделав несколько шагов, Рия увидела Лиззи и замерла. Ее глаза – разумеется, голубые! – расширились от удивления и восторженно засияли.

– Вот мой подарок, – произнес Эдвард с улыбкой. – Я привез тебе сестру.

Глава 1

Лондон

Июнь 1851 года

– Джеффри, если ты ее прикончил, леди Торнборо устроит нам веселую жизнь.

Джеффри Сомервилл сердито взглянул на своего спутника. Легкомыслие Джеймса Симпсона порой выглядело совершенно неуместным, однако он оставался верен себе в любой ситуации. Даже тогда, когда перед ним лежала молодая женщина, только что сбитая их экипажем, точнее – экипажем Джеффри, в котором ехали они оба. Эта девушка шла через улицу, не глядя по сторонам. Кучер в последний момент успел совершить крутой маневр, и она не попала под тяжелые копыта лошадей, но переднее колесо экипажа задело ее и швырнуло на пешеходную дорожку словно пустую корзину из ивовых прутьев.

Джеффри опустился на колени, осторожно приподнял голову женщины и убрал волосы с ее лба. Кровь, струившаяся из раны на левом виске, заливала бледное миловидное лицо и алела в белокурых прядях.

Ее глаза были закрыты, но грудь едва уловимо поднималась и опускалась в такт прерывистому дыханию.

– Она жива, – с облегчением сказал Джеффри. – Но рана очень серьезная. Надо немедленно послать за доктором.

Джеймс взбежал по ступеням ближайшего особняка и постучал в дверь тростью. Обернувшись, сказал:

– Прежде всего надо немедленно перенести ее в дом. Мы привлекаем внимание публики, а моя тетушка не выносит даже намека на скандал.

И правда, прохожие смотрели на них с нескрываемым любопытством. Кто-то останавливался, кто-то – нет, но никто не предлагал помощи. А одна нарядная молодая особа брезгливо поморщилась, отвернулась и, поторопив своего спутника, устремилась прочь – словно увидела посреди фешенебельного района Мейфэр не жертву несчастного случая, а чумной барак. Печально, но факт: обитатели столицы Англии мало напоминали добрых самаритян. Джеффри провел в Лондоне шесть месяцев и каждый день сталкивался с полным равнодушием к человеческим страданиям. Он перестал этому удивляться, но по-прежнему испытывал огорчение и возмущение.

Кажется, только кучер проявлял искреннее сочувствие. Хотя, может быть, это было чувство вины. Придерживая лошадей, он с тревогой наблюдал за Джеффри и, перехватив его взгляд, сказал:

– Прямо не знаю, как так получилось, милорд. Она словно из-под земли выросла.

– Вы ни в чем не виноваты, – успокоил его Джеффри и, достав носовой платок, осторожно промокнул кровь, сочившуюся из раны на виске. – Срочно отправляйтесь на Харли-стрит и привезите доктора Лейтона.

– Да, милорд. – Кучер заметно повеселел и живо взобрался на козлы. – Я мигом.

Джеффри пытался понять, не получила ли девушка еще каких-нибудь повреждений. Его сдерживала необходимость держаться в рамках приличий, но он все-таки решился на беглый осмотр и, слава Богу, не обнаружил переломов.

Джеймс снова постучал. Внушительная черная дверь наконец приоткрылась, и на пороге возникла худощавая фигура дворецкого леди Торнборо.

– Хардинг, дайте пройти, – потребовал Джеймс. – У нас дорожное происшествие.

Увидев женщину, истекающую кровью у безупречно чистых ступеней особняка, Хардинг не стал задавать лишних вопросов. Быстро оценив ситуацию, он отступил в сторону и широко распахнул дверь.

Джефффри же осторожно взял девушку на руки. Она была очень худой и почти ничего не весила. Ее золотистые волосы резко выделялись на фоне его черного сюртука. А почему она без шляпы? Джефффри огляделся по сторонам и увидел на мостовой жалкие остатки соломенной шляпки. Когда голова девушки безвольно качнулась и упала ему на грудь, у него сжалось сердце. Что это было? Сострадание? Да, конечно. Однако к состраданию примешивалось еще какое-то чувство, которое не поддавалось определению.

– Кровотечение не останавливается, – заметил Джеймс. – Передай-ка ее кому-нибудь из слуг, иначе твой сюртук будет безнадежно испорчен.

– Меня это не волнует, – ответил Джефффри. Он испытывал странную потребность заботиться об этой женщине, хотя понятия не имел, кто она такая. В конце концов, ее сбил именно его экипаж, пусть даже виновницей происшествия была она сама. И он просто не мог передать ее кому-нибудь другому. Нет, ни за что на свете.

Стиснув зубы, Джефффри перешагнул через кровавые пятна и понес девушку в дом.

В просторном холле Джеймс обратился к дворецкому:

– Хардинг, леди Торнборо дома?

– Нет, сэр. Но мы ожидаем ее с минуты на минуту.

Джефффри давно знал семейство Торнборо и считал здешнего дворецкого человеком весьма разумным.

Кроме того, Хардинг сохранял завидное спокойствие при любых обстоятельствах. Это ценное качество годами выковывалось детскими эскападами Рии, внучки леди Торнборо, а затем было отшлифовано до блеска подвигами до сих пор не повзрослевшего Джеймса.

Вот и сейчас Хардинг вел себя так, словно в этот дом каждый день приносили полумертвых незнакомых женщин. Кивнув в сторону лестницы, он бесстрастно осведомился:

– Вас устроит диван в розовой гостиной, сэр?

– Более чем, – заверил Джеймс.

Провожая их наверх, дворецкий окликнул стоявшую в холле молоденькую горничную и распорядился:

– Мэри, принеси нам воду и полотенце. И передай Джейн, чтобы она немедленно вымыла ступени перед парадным входом.

На пороге гостиной их встретила еще одна горничная. Следуя указаниям Хардинга, она быстро расстелила на диване покрывало, чтобы защитить дорогую обивку.

Джефффри бережно опустил свою хрупкую ношу на диван, а сам сел рядом на низенькую скамейку для ног и снова промокнул кровь носовым платком.

Вокруг глубокой раны разрасталась багровая припухлость. Дело принимало все более угрожающий оборот.

– Черт знает что такое... И как ее угораздило шагнуть прямо под колеса экипажа? – сокрушенно качая головой, пробормотал Джефффри, совершенно не отдавая себе отчета в том, что произнес эти слова вслух.

Джеймс, разумеется, не мог промолчать.

– Друг мой, выбирай выражения, – призвал он с напускной строгостью. – Тут присутствует дама.

– Она без сознания и вряд ли слышит меня.

Дама?.. Джефффри с сомнением посмотрел на девушку. Строгое черное платье явно не подходило ей по размеру – оно выглядело мешковатым, а слишком длинные рукава были подвернуты. Добротные кожаные туфли основательно истрепались. Служанка, donaшивающая старую одежду хозяйки? Молодая женщина из хорошей, но обедневшей семьи? И

вообще, ее наряд наводил на мысли о трауре. Получается, она испытывала нужду, недавно потеряла кого-то из близких, а теперь и сама находилась между жизнью и смертью.

– Дама она или не дама, но судьба явно не балует ее, – сказал Джеффри, и у него вновь болезненно сжалось сердце. Уж он-то знал не понаслышке, каково это, когда трагедии следуют одна за другой.

В гостиную вошла младшая горничная. Поставив миску с водой на стол, она намочила полотенце, робко приблизилась к дивану, взглянула на Джеффри и сделала книксен.

– С вашего разрешения, милорд...

Джеффри поморщился. Его величали милордом уже несколько месяцев, но он так и не привык к этому. Все вокруг полагали необходимым отметить его нынешнее высокое положением, а он при обращении «милорд» всякий раз вспоминал о том, чего лишился. Могут ли подобные почести возместить потерю двух братьев? Но в любом случае принадлежность к сословию пэров не освобождала человека от необходимости помогать ближнему всеми доступными способами.

Он протянул руку:

– Дайте мне полотенце, я все сделаю сам.

Горничная медлила в нерешительности.

– Послушай, так не годится, – вмешался Джеймс. – Позволь ей заняться делом. На то и существует прислуга.

– У меня больше опыта. Я часто ухаживал за больными в своем приходе.

– Но тогда ты был обыкновенным священником, а теперь ты барон.

Джеффри ненавидел титул, которой перешел к нему после смерти старших братьев. С другой стороны, глупо отрицать тот факт, что высокое общественное положение имеет свои преимущества. Так почему бы ими не воспользоваться?

– Раз я барон, извольте мне подчиняться, – заявил Джеффри и вновь протянул руку за полотенцем.

Джеймс рассмеялся и склонил голову в почтительном поклоне:

– Превосходный аргумент, милорд.

Расставшись с пресловутым полотенцем, служанка снова сделала книксен и отступила на несколько шагов, по-прежнему не сводя глаз с Джеффри. Скорее всего ее занимали не сиюминутные обстоятельства и не он сам, а именно его новый статус. Вот она, разница между бароном и обыкновенным священником. Сейчас решительно все, от младших горничных до герцогинь, относились к нему с чрезвычайным вниманием, но в те годы, которые он посвятил служению и помощи беднякам, едва сводившим концы с концами, им совершенно никто не интересовался.

Впрочем, Бог с ними, с горничными и герцогинями. В данный момент его интересовала совсем другая женщина.

Он приложил ладонь к ее лбу и нахмурился:

– Боюсь, кроме раны на виске, у нее еще и жар.

Джеймс тотчас достал носовой платок и демонстративно прикрыл нос и рот.

– О Боже, надеюсь, она не заразит нас какой-нибудь ужасной болезнью. Это было бы весьма некстати.

В гостиной появился Хардинг со старой дорожной сумкой в руках. Он держал ее перед собой на солидном расстоянии, чтобы ни одна пылинка не попала на его безукоризненно чистый сюртук.

– Мы обнаружили сей предмет на улице рядом с парадной лестницей. Полагаю, он принадлежит этой... – он сделал паузу и смерил скептическим взглядом неподвижную фигуру на диване, – хм, даме.

– Спасибо, Хардинг, – ответил Джеймс и пренебрежительно кивнул в сторону дальнего угла комнаты: – Положите пока туда.

Возможно, у несчастной женщины не было ничего, кроме того немногого, что умещалось в этой сумке. Но неистребимое легкомыслие Джеймса не позволяло ему задумываться о людях менее удачливых, чем он сам.

Девушка пошевелилась и негромко застонала.

– Тише, тише, – ласково пробормотал Джеффри. Ему хотелось успокоить и ободрить ее, хотя он сомневался в том, что она его слышала. – Все будет хорошо.

Он принялся смывать кровь с ее лица. Джеймс обогнул диван и занял позицию наблюдателя.

– Очень удачный экземпляр, – произнес он и наклонился, чтобы получше рассмотреть ее. – Взгляни, какие высокие скулы, изящный изгиб бровей, чувственные губы...

– Джеймс, это женщина! – возмущился Джеффри. – А не диковинная зверюшка в зоопарке.

– Ясное дело, женщина, – с безмятежной улыбкой отозвался Джеймс. – Отрадно, что ты это заметил. Никак не ожидал от тебя подобной наблюдательности.

Джеффри заметил. Даже слишком много заметил. Его поразила ее красота. Вот только губы, действительно чувственные, побелели и растрескались от жажды. Ему захотелось провести по ним влажной тканью и...

– Силы небесные! – воскликнул Джеймс и выронил носовой платок. – Это Рия.

Джеффри остолбенел.

– Что ты сказал?..

– Я сказал, что молодая леди, орошающая кровью диван моей тетюшки, является Викторией Торнборо.

Нет, это невыносимо. Иногда Джеффри казалось, что Джеймс специально пытался довести его до белого каления.

– Джеймс, что за ребячество? Ты выбрал неудачное время для шуток.

Джеймс покачал головой:

– Нет-нет, я серьезен как никогда.

– Но этого не может быть.

– Полагаю, я в состоянии узнать собственную кузину. Даже если не видел ее десять лет. – Он наклонился пониже, а девушка пролепетала что-то невнятное. – Видишь? Она слышала меня и узнала свое имя.

В гостиной все замерло. Даже слуги оторвались от своих дел. Все взоры обратились к дивану, на котором лежала... Кто? Неужели это и в самом деле Рия? Пока приходилось верить Джеймсу на слово. Джеффри никогда не видел ее. Он путешествовал по Европе, когда между Рией и его братом возник бурный стремительный роман. Если это она – стоит ли удивляться, что Эдвард влюбился в нее? Разве сейчас он не очарован ее красотой? Разве его не тянуло к ней с первого мгновения, несмотря на ее убогую одежду, грязь и кровь? Нет, конечно, нет. Это просто сочувствие, и ничего больше. И все-таки совершенно непостижимо, что он, возможно, впервые видит жену своего родного брата при таких необъяснимых обстоятельствах.

Джеффри попытался собраться с мыслями.

– Если это Рия, то с ней вместе должен был появиться Эдвард.

– По идее да, – согласился Джеймс. Пожав плечами, добавил: – Да, действительно, все это выглядит весьма необычно.

– Верно, необычно, – кивнул Джеффри.

Похоже, это слово лучше всего подходило для описания взаимоотношений Рии и Эдварда. Их тайное бегство оказалось для всех полной неожиданностью и могло вызвать

громкий скандал. Но скандал получился не просто громким, а оглушительным, потому что как раз тогда Рия была помолвлена с Уильямом, старшим братом Эдварда и Джеффри.

– По крайней мере теперь понятно, что их не было на борту злополучного «Морского странника», – рассудил Джеффри.

– В таком случае... куда же они отправились?

– Я тоже хотел бы это знать, – сказал Джеффри и тут же добавил: – И не только это.

Он испробовал все мыслимые и немыслимые способы, чтобы отыскать Рию и Эдварда, но они исчезли бесследно. Единственная ниточка вела на корабль, затонувший по пути в Америку. Вроде бы похожая пара заказывала места на этом корабле, но все сводилось лишь к слухам и предположениям. В сущности, розыски закончились ничем.

Джеффри принялся стягивать потертую перчатку с левой руки женщины. Он слышал, как у него за спиной ахнула горничная, но его не волновало мнение окружающих. Если это – Рия, то он хотел убедиться в том, что его брат поступил как должно и женился на ней. Конечно, Эдвард не мог намеренно обмануть ее, но его безрассудство часто граничило с безответственностью, а порой переходило эту границу.

Перчатка наконец поддалась, и обнажилась мозолистая, натруженная рука. Сколько же надо работать, чтобы образовались такие мозоли? И все-таки на ней было одно украшение. Нет, не обручальное кольцо, а золотой перстень с ониксом. Перстень Эдварда. У Джеффри перехватило дыхание.

– Почему? – прохрипел он, с трудом проглотив подкативший к горлу ком. – Если они оказались в отчаянном положении, почему не вернулись? Почему не попросили нас о помощи?

– Если бы ты был на их месте, – ответил Джеймс, – ты бы решился что-то просить у оскорбленного Уильяма или у леди Торнборо? – Он помолчал и продолжил: – Кроме того, возможно, они не всегда бедствовали. Посмотри на нее, Джеффри. Посмотри, как она одета.

Джеффри заставил себя еще раз посмотреть на хрупкую фигуру в скромном черном платье, похожем на траурное. Траур по Эдварду?

Джеффри встал, отдал полотенце и перчатку горничной и подошел к окну. Сквозь кружевные занавески хорошо просматривалась улица. По ней в обе стороны мчались самые разные экипажи – какие угодно, но только не его собственный. Где же доктор Лейтон? Джеффри понимал, что прошло слишком мало времени и надо просто немного подождать, но это было совсем непросто.

Но что хуже – томиться в неизвестности или узнать правду, какой бы страшной она ни была? Раньше он, возможно, предпочел бы остаться в неведении, но сейчас...

Рия должна выздороветь. И должна ответить на все его вопросы.

Глава 2

Она услышала неясные голоса и почувствовала прохладное прикосновение влажной ткани к разгоряченному лицу.

Нежный аромат роз витал в воздухе, выманивая ее из вязкого забытья. Но каждый вдох вызывал острую боль в боку, а мучительная тяжесть в левом виске не позволяла открыть глаза и пошевелиться.

Голоса затихли, уступив место шуршанию юбок. Затем другой голос, на сей раз определенно женский, строго спросил:

- Что сделано для того, чтобы привести ее в чувство?
 - Мы послали за доктором Лейтоном, – ответил мужчина.
 - И только? Ты такой же никчемный, как твой покойный отец.
 - Дорогая тетушка, вы меня недооцениваете. Я куда более никчемный, чем он.
- За неодобрительным фырканьем последовал жесткий приказ:
- Быстро, Мэри. Принеси мою нюхательную соль.

Снова шуршание и... резкий запах ударил ей в ноздри. Она громко чихнула, вздрогнула от пронзительной боли и открыла глаза.

Перед ней стояла пожилая дама в темно-зеленом шелковом платье. И эта дама как-то странно смотрела на нее.

И тут она вспомнила.

Стоя на противоположной стороне улицы, она смотрела на особняк леди Торнборо и пыталась понять, имеет ли смысл идти в этот дом. Даже теперь, когда отступать было некуда, ее все еще терзали сомнения. Осуществим ли ее план? Поверят ли ей?

Но на самом деле у нее не было выбора. Она дала слово той, кого больше нет в живых, и не могла его нарушить. Это обещание вынуждало ее двигаться вперед, когда она шла сюда от морского причала, преодолевая жар и озноб.

«Ты должна справиться, – звучал у нее в ушах голос Рии. – Я на тебя надеюсь».

Собравшись с духом, она шагнула на мостовую. Головная боль, шумная суэта оживленной улицы и слепящие лучи послеполуденного солнца помешали ей вовремя заметить несущийся прямо на нее экипаж.

И вот она, Лиззи Пул, лежала пластом и смотрела на сероглазую даму с седыми волосами, собранными в тугий узел на затылке. Судя по облику и манере держаться, это была хозяйка дома леди Торнборо, строгая властная женщина, вырастившая Рию.

Поверит ли леди Торнборо, что перед ней – ее внучка, которую она в последний раз видела десять лет назад, когда той было всего семнадцать? Или немедленно разоблачит самозванку? Не совсем самозванку, напонила себе Лиззи. Рия убедила ее в том, что у них – общий отец, и сказала, где искать доказательства. Таким образом, она, Лиззи, тоже приходилась леди Торнборо внучкой, хотя пожилая дама не подозревала о ее существовании. А раз так, почему бы ей не назваться Рией? Рия умерла. Ее отношения с леди Торнборо были весьма непростыми, и перед смертью она просила Лиззи помочь ей загладить вину. Но Лиззи могла выполнить эту просьбу только одним способом – занять место Рии и стать почти-тельной внучкой, такой, какую всегда желала иметь леди Торнборо. Рия благословила ее на обман; более того, сама идея принадлежала именно ей.

Несколько секунд, показавшихся Лиззи вечностью, леди Торнборо пристально смотрела на нее. Потом нахмурилась и покачала головой.

«Вот и все», – горестно подумала Лиззи и закрыла глаза. Рия весьма красочно и в мельчайших подробностях описывала своих родственников, обстановку и слуг, так что Лиззи в конце концов поверила, что сможет переступить порог этого дома и зажечь той жизнью,

которую сестра оставила в прошлом. Не получилось. Как с ней теперь поступят? Поинтересуются, кто она, или сразу вышвырнут на улицу, не дав и рта раскрыть?

Лиззи со страхом ждала, что будет дальше. И тут леди Торнборо наконец нарушила молчание:

– Рия, где ты была?

Эти слова, произнесенные пусть резким, но не злым тоном, показались Лиззи сущим ангельским пением. Даже боль, терзавшая ее, на мгновение отступила. Леди Торнборо приняла ее за Рию. Значит, ей можно остаться. Убрав со лба влажную ткань, Лиззи села, и на нее тут же накатил приступ мучительного головокружения. Она собиралась сказать так много, но едва сумела ответить на вопрос леди Торнборо.

– Где я была? В Австралии, конечно... – пробормотала она и умолкла.

– В Австралии? – с ужасом переспросила леди Торнборо и, опустившись на диван, заключила Лиззи в объятия. – О, бедная моя девочка...

Лиззи никак не ожидала такого порыва. Прижимаясь горячей щекой к складкам прохладного темно-зеленого шелка, она испытывала благодарность... и стыд. Прежде чем решиться на обман, ей следовало бы подумать о том, как уберечь от страданий эту немолдую женщину, чьей любовью так дорожила Рия. Однако усталость, боль и лихорадка заглушили угрызения совести. Что сделано, то сделано. В любом случае ей больше некуда податься.

А неподалеку сидел на стуле какой-то мужчина, он с любопытством разглядывал ее, опустив подбородок на золотой набалдашник трости.

– Ты изменилась, Рия, – заметил он. – Раньше я называл твои глаза голубыми, а теперь они, скорее, фиалковые. Ты очень похудела, а загар делает тебя похожей на деревенскую девочку. Но ты меня помнишь, правда, детка?

Мужчина дружелюбно ей улыбнулся. А «детка» принялась усиленно соображать. Кто же он такой?.. Итак, ему слегка за тридцать. У него выющиеся каштановые волосы и васильковые глаза. Хорошо сложен и прекрасно одет. На нем золотистый жилет и белоснежная накрахмаленная рубашка. Синий сюртук безупречного покроя выгодно подчеркивает ширину плеч, а шейный платок подобран под цвет жилета и повязан причудливым узлом. Черты красивого лица вполне правильные, хотя их немного портит небольшая горбинка на носу – «напоминание о давнем падении с дерева», как говорила Рия.

Все это, вместе взятое, явно указывало на то, что перед ней – Джеймс Симпсон, любимый кузен Рии. Она называла его «светским денди» и «отчаянным прожигателем жизни», вечно попадавшим в сомнительные истории. Судя по одежде, он оставался франтом, а уж как там с прожиганием жизни – время покажет.

Тщательно взвесив все «за» и «против», Лиззи наконец решила ответить ему.

– Зато ты совсем не изменился, Джеймс.

– Точно! – Он рассмеялся и хлопнул себя по колену. – Видишь, Джеффри, это действительно Рия.

Последняя фраза предназначалась мужчине, стоявшему у камина. Лиззи не сразу заметила его, потому что между ними был большой круглый стол, а на столе стояла высокая ваза с желтыми розами.

Джеффри?

Рия упоминала только одного Джеффри. Так звали младшего брата ее мужа. Сама Рия с ним никогда не встречалась, но Эдвард говорил, что Джеффри с детства отличался уравновешенностью и вдумчивостью и усердно готовился к церковному служению. Соответственно Лиззи представляла себе такого книжного червя – подслеповатого, возможно, даже в очках, не слишком опрятного, сутулого и малоприметного.

Однако человеку камина выглядел совсем иначе. Его росту мог бы позавидовать любой мужчина, и он ничуть не сутулился. Густые каштановые волосы выглядели вполне ухоженными и были превосходно подстрижены, а короткие бакенбарды добавляли выразительности и без того интересному лицу. Темные глаза вовсе не скрывались за стеклами очков, а пристально смотрели на Лиззи. Что касается одежды, то его черный сюртук смотрелся куда скромнее лазоревого облачения Джеймса, но явно стоил недешево и отлично на нем сидел.

Нет, он никак не мог быть братом Эдварда. Но ведь Джеймс без церемоний назвал его по имени... Значит, в этом семействе есть еще какой-то Джеффри? Неужели она ошибалась, когда думала, что хорошо подготовлена?

Лиззи попыталась взять себя в руки и не поддаваться панике. В конце концов, таинственный Джеффри мог не состоять в родстве с Торнборо. По словам Рии, у ее кузена был очень широкий круг знакомств. Принимая во внимание непринужденное поведение Джеймса, вполне можно было допустить, что он общался с близкими друзьями в свободной манере. Но тогда все еще хуже. С кем из многочисленных приятелей Джеймса была знакома Рия? Сколько их, тех, кого Лиззи придется «вспоминать»?

Леди Торнборо с ласковой улыбкой убрала прядь волос с ее лица.

– Рия, что же ты со мной делаешь? – вздохнула она. – Все эти переживания определенно сведут меня в могилу лет на десять раньше срока.

– На десять лет раньше? – отозвался Джеймс. – Полно, тетушка. Бьюсь об заклад, что вы доживете до ста.

Леди Торнборо нахмурилась и проворчала:

– Никаких «закладов» в этом доме. Я не потерплю здесь подобных выражений.

Джеймс покорно склонил голову, но как только тетушка отвернулась, широко улыбнулся и подмигнул Джеффри.

Человек у камина не ответил на улыбку Джеймса. Не сводя глаз с Лиззи, он наблюдал за ней с явным любопытством.

Кто же он?

Лиззи чувствовала, как пылает ее лицо, и она уже не знала, что тому виной – лихорадка или пристальное внимание неизвестного мужчины. Его темные глаза, казалось, прожигали ее насквозь. В комнате вдруг стало невыносимо душно.

Тут леди Торнборо осторожно осмотрела рану на виске Лиззи.

– Значит, Джеймс умудрился сбить тебя, как бродячую собаку?

– Я тут ни при чем! – возмутился Джеймс.

Леди Торнборо не удостоила его ответом.

– Почему ты одна, почему шла пешком, как простая служанка? И почему столько лет не давала о себе знать? Неужели ты ни разу не подумала о том, что мы чувствуем?

– Бабушка, я все объясню, – сказала Лиззи.

Слово «бабушка» неожиданно легко слетело с ее губ, и это показалось ей хорошим предзнаменованием. Пожалуй, скоро она освоится со своей ролью, проникнет в тайны семейства Торнборо и раскроет секрет своего происхождения, о котором понятия не имела до тех пор, пока не встретила Рию.

Добрая, милая бедняжка Рия... Порывистая и при этом страшно упрямая. Да, они с Лиззи были похожи во всем – не только внешне, но и по характеру. Там, в Австралии, она легко поддавалась на уговоры Рии и только здесь поняла всю сложность стоявшей перед ней задачи. Малейшая оплошность могла привести к провалу всего замысла. Теперь ей надо было следить за каждым своим взглядом, словом, шагом. А у нее смертельно болела голова, и все плыло перед глазами...

Лиззи внезапно покачнулась и упала на подушки дивана.

– Рия! – вскрикнула леди Торнборо.

– Мне очень жаль... Я не хотела появляться вот так... – пробормотала Лиззи.

Ее бил озноб, а к горлу подступала тошнота. Но вскоре тошнота отступила, и Лиззи немного приободрилась. Пока все шло более или менее неплохо. Правда, по дороге она чуть не погибла. А сейчас ее сверлит взглядом загадочный незнакомец у камина.

О нет, он уже не у камина.

Джеффри стремительно приблизился к ней и опустился на колени.

– Простите меня. Я понимаю, что вы нездоровы, но мне надо расспросить вас. Десять лет я не получал никаких известий о брате. Почему вы упомянули Австралию? Где Эдвард?

Лиззи попыталась связать воедино обрывки мыслей.

– Вы брат моего мужа? – спросила она наконец.

Боже, какой он высокий! И какой... необыкновенный. Совсем не такой, как она ожидала. И еще... Как он похож на Эдварда! Та же уверенность в каждом жесте. Та же манера вести разговор, пристально глядя на собеседника. Сейчас ей казалось странным, что она сразу не догадалась, кто он.

– Где Эдвард? – с пугающей настойчивостью повторил Джеффри. – Скажите, что с ним?

– Он... – Лиззи осеклась и отвела взгляд. Теперь, когда его сходство с Эдвардом стало столь очевидным для нее, ей было больно смотреть на этого человека. Слишком много воспоминаний... Она чувствовала, что сознание покидает ее, но из последних сил пробормотала: – Он... он... описывал вас совсем другим.

Перед тем как снова погрузиться во тьму, она успела увидеть в его глазах разочарование и гнев.

Глава 3

Джефффри быстро шагал по улице, радуясь, что никто не мешает ему просто идти и думать. Он жил неподалеку и отправился домой пешком, предоставив свой экипаж в распоряжение доктора Лейтона, который пока еще находился рядом с Рией.

Рия!..

Джефффри ускорил шаг, давая выход накопившемуся раздражению. Он умолял ее ответить, и она, кажется, поняла, о чем ее спрашивают. Но пролепетала что-то невразумительное и потеряла сознание.

Доктор Лейтон нашел рану на виске не слишком тяжелой, но лихорадка вызвала у него серьезные опасения. Настолько серьезные, что леди Торнборо пришла в неопишное волнение. Обычно рассудительная и невозмутимая, она совершенно потеряла самообладание и развернула бурную деятельность, требуя от прислуги всего сразу и немедленно. За поручениями подготовить комнату, согреть воды, подать еду, принести одно и унести другое тотчас следовала команда не трогаться с места и ждать, не понадобится ли доктору Лейтону какая-нибудь помощь. Бедные горничные сбились с ног, пытаясь исполнить столь противоречивые указания.

Джефффри считал за лучшее хотя бы на несколько часов покинуть этот хаос. Ему надо было оправиться от потрясения и собраться с мыслями.

Прошлым летом, после смерти Уильяма, Джефффри оказался в крайне сложном положении. Обстоятельства потребовали от него оставить скромный церковный приход, принять титул и вступить во владение семейным имуществом. Но в соответствии с законом ему пришлось официально объявить Эдварда умершим. Эта болезненная процедура далась ему очень нелегко. Он чувствовал себя так, словно совершил предательство. Ведь в душе его еще теплилась безумная надежда на то, что Эдвард жив.

Он задержал дыхание и зажмурился. Австралия! Уму непостижимо! Почему Эдвард выбрал такое дикое и опасное место? И где он сейчас?

Джефффри открыл глаза и сделал глубокий вдох. Какая горькая ирония судьбы! Ведь срок установленного траура по обоим братьям минул всего две недели назад... И если сейчас смерть Эдварда подтвердится, то никому и в голову не придет требовать, чтобы Джефффри начал все сызнова. Но именно так и будет – просто потому, что он не сможет иначе.

Ближе к дому Джефффри встретил кое-кого из знакомых, вежливо раскланялся с ними, но не остановился. Потом свернул за угол, быстро взбежал по ступеням своего особняка, открыл дверь и вошел в пустой холл.

Он положил шляпу на столик рядом с серебряным подносом, на котором красовались две внушительные стопки, одна – из визитных карточек, другая – из писем и записок. Джефффри едва сдержал стон. Теперь, когда срок траура истек, светское общество жаждало принять в свои объятия нового лорда Сомервилла.

Джефффри взял верхнюю карточку, чтобы прочитать напечатанное на ней имя, но тут же поморщился и положил карточку обратно. Насыщенный аромат духов недвусмысленно свидетельствовал о том, что на барона объявлена охота. Дамы, прежде не обращавшие на него никакого внимания, теперь совершенно переменились в надежде занять вакантное место баронессы.

Стоит ли искать среди этих изысканно оформленных карточек имя той, которая поймет его устремления и разделит его мечты? Нет, вряд ли. Ведь таковой не нашлось среди немногих претенденток на звание супруги скромного приходского священника. И хотя ряды дам, желавших выйти за барона, были куда более многочисленны, он не питал особых иллюзий на их счет.

Джеффри нахмурился и покачал головой. Нет, он не станет жениться лишь ради продолжения рода. В конце концов, браки совершаются на небесах. Надо надеяться, Всевышний рано или поздно пошлет ему спутницу, с которой он будет жить в любви и согласии, как учит Библия.

Он обернулся на звук шагов. По лестнице спускалась его экономка миссис Кларидж.

– О, ваше преподобие, я не слышала, как вы вернулись. Простите, что не открыла вам дверь.

Миссис Кларидж, женщина добрая и разумная, знала Джеффри с пятилетнего возраста. Сейчас ей следовало бы называть его лордом Сомервиллом, но она предпочитала «ваше преподобие», и ему это нравилось. Он ценил, что экономка обращалась к нему так, как принято обращаться к священнику, – ведь тем самым она как бы напоминала ему о его истинном призвании.

– Ничего страшного, миссис Кларидж. Очевидно, вы думали, что услышите, как подъезжает экипаж. Но я пришел пешком.

Джеффри взглянул на часы. Шесть. Часа два назад Рия – прямо-таки буквально! – перешла ему дорогу и совершенно выбила его из колеи.

Миссис Кларидж всегда безошибочно угадывала его настроение.

– Вы чем-то расстроены, сэр? – спросила она и, заметив пятна крови на его рубашке, воскликнула: – Что случилось?! Вы ранены?!

– Цел и невредим, – заверил он. – Это не моя кровь. Я пытался помочь... раненому человеку.

– Как это похоже на вас, сэр, – с гордостью проговорила экономка и добавила: – Если позволите, я распоряжусь, чтобы подали чай. Мне кажется, вам не помешает немного подкрепиться.

Джеффри не сомневался: новость о возвращении Рии быстро разнесется по всему Лондону, поэтому он хотел, чтобы миссис Кларидж узнала об этом одной из первых. Она больше двадцати лет верой и правдой служила Сомервиллам, и ей можно и нужно было сообщить о таком важном событии.

– Будьте добры, принесите чай через полчаса. Только, пожалуйста, именно вы, а не горничная. Я должен вам кое-что рассказать. Но прежде мне надо побыть одному.

Экономка сочувственно улыбнулась:

– Конечно, сэр. Я прослежу, чтобы вас не беспокоили.

Миссис Кларидж поспешила на кухню, а Джеффри поднялся в кабинет и сел в свое любимое кожаное кресло у камина.

Его мысли тотчас обратились к прошлому; он вспомнил детство, братьев, мальчишеские игры, споры и потасовки. Бывало, двое из них объединялись против одного, но чаще ссорились Эдвард с Уильямом, а он, Джеффри, выступал в роли миротворца.

С годами Уильям отделился от братьев. Его образ жизни вполне соответствовал образу жизни старшего отпрыска родовитого семейства. Он подолгу беседовал с отцом о делах и ездил с визитами к соседям-землевладельцам, наслаждаясь почестями и привилегиями наследника титула.

Эдвард первым из братьев стал проявлять живой интерес к прекрасному полу. Он научился отменно танцевать, вести себя в обществе, поддерживать светскую беседу – и все для того, чтобы нравиться дамам. И он им действительно нравился. Более того, они находили его неотразимым и щедро одаривали своей благосклонностью.

Джеффри хорошо помнил, как они с Эдвардом перешептывались по ночам. Из этих бесед он почерпнул массу любопытнейших сведений о женщинах. Понятное дело, отец никогда не рассказывал ничего подобного.

На Эдварда с надеждой взирали в высшей степени достойные девицы. Но ему понадобилась невеста Уильяма. Их скороспелый роман и тайное бегство доказывали, что Рия была такой же легкомысленной, своевольной и упрямой, как Эдвард.

Уильям, конечно, пришел в бешенство. Но Джеффри вскоре понял, что гнев старшего брата вызван не утратой любви, а уязвленным самолюбием и заботой о репутации семьи. Всего через несколько месяцев Уильям осчастливил своим вниманием другую молодую особу. Ее семейство занимало высокое положение в свете, и она готова была играть по правилам светского общества. Собственно, ничего другого Уильяму и не требовалось.

Джеффри уселся поудобнее, поставил ногу на кованую каминную решетку и вздохнул. Женщины все еще оставались для него загадкой. Опыт обаятельного, безоглядно влюбчивого Эдварда и холодного, расчетливого Уильяма ничем ему не помог. В сердечных делах каждый идет своим путем, и ему, Джеффри, только предстояло его найти.

Он вновь вспомнил о Рие. Почему она объявилась в таком жалком состоянии? Если Эдвард – не дай Бог – умер, чего она ждет от его семьи? Потребуется выделения вдовьей доли? Интересно, на что они с Эдвардом жили все эти годы?

Когда Рия выздоровеет, то, возможно, сможет ответить на все его вопросы. Ему оставалось только ждать – ничего более. Решительно ничего.

Джеффри встал и принялся расхаживать по кабинету. Да, ожидание грозило обернуться подлинным испытанием.

Глава 4

Лиззи отчаянно прорывалась сквозь толщу холодной воды навстречу солнцу, блеснувшему в сумрачных глубинах. Только бы выплыть, только бы глотнуть воздуха...

Она вздрогнула и очнулась. Солнце и впрямь щекотало ей веки. Оно проникало сквозь неплотно задернутые шторы и заливало теплом и светом ее кровать. В комнате царил безмятежный покой.

Жуткие видения постепенно рассеялись, но Лиззи знала, что они вернутся. Кошмары преследовали ее с тех пор, как Том погиб при кораблекрушении. Из ночи в ночь ей снилось, что она тонет, словно какая-то часть ее существа вновь и вновь пыталась вообразить невозможное и представить, какими были последние минуты жизни брата.

Судно, на котором плыл Том, потерпело бедствие по пути из Сиднея в Мельбурн. После этого Лиззи пришлось собрать все свое мужество, чтобы решиться на многомесячное путешествие в Англию. Ее страхи отчасти подтвердились. Погода была ужасная, океан бурлил, и ей не раз казалось, что ее вот-вот постигнет трагическая участь брата.

Вдобавок ко всему на борту свирепствовала лихорадка, и число пассажиров, которых хоронили по морскому обычаю, множилось день ото дня.

Слава Богу, корабль в конце концов добрался до Англии, и Лиззи благополучно сошла на берег. Но болезнь все-таки настигла ее по дороге из порта. Едва живая от жара и ломоты во всем теле, Лиззи в полуобморочном состоянии брела по улицам Лондона, пока ее не сбил экипаж...

Она поднесла руку к виску и осторожно надавила на повязку. Рана все еще чувствовалась, но уже почти не болела. Лиззи попыталась восстановить в памяти все, что случилось после дорожного происшествия.

Она смутно помнила, как ее подняли чьи-то сильные заботливые руки. Потом до нее донеслись обрывки разговора, и она услышала имя Рии. Затем ее привели в чувство, и она оказалась лицом к лицу с леди Торнборо.

Удивительно, но, несмотря на жар, боль и замешательство, Лиззи сразу узнала ее. Конечно, Рия очень подробно описала внешность бабушки, однако Лиззи скорее не увидела, а почувствовала, кто перед ней. Это походило на озарение, внезапно высветившее человека, всегда незримо присутствовавшего в ее жизни.

Почти то же самое произошло при первом знакомстве с Джеймсом. Он оказался именно таким, каким она его представляла.

Но с Джеффри все вышло совсем иначе. Он не имел решительно ничего общего со скромным, неприметным священником, которого она рисовала в своем воображении.

Лиззи вспоминала выразительные черты его лица, властные манеры, настойчивые вопросы – и вдруг явственно вспомнила нечто такое, отчего у нее замерло сердце.

Кровь на его рубашке!

Ее кровь!

Это он нес ее на руках, и от его рук исходила теплота, которой позже не было у него в глазах.

Что он подумал о ней? Нетрудно догадаться. В его взгляде сквозило откровенное презрение к женщине, которая когда-то сбежала с его братом, а теперь вернулась домой в таком жалком состоянии.

«И все-таки, – напомнила она себе, – главное – не то, как он отнесся ко мне, а то, что он принял меня за Рию». И действительно, несмотря на плохое начало, она уже достигла немалого успеха: все видели в ней Викторию Торнборо. Кажется, ей удалось шагнуть в жизнь, которую Рия оставила позади.

А если нет? Вдруг она чем-нибудь выдала себя, пока лежала тут без сознания? Сейчас она была одна, но стул у кровати явно указывал на то, что за ней присматривали. Для чего? Чтобы позаботиться о больной – или чтобы потребовать объяснений, как только она придет в себя?

Лиззи приподняла голову и в испуге осмотрелась. Полог широкой кровати украшали венки из роз, а просвет между шторами позволял рассмотреть в оконной нише уютный диванчик с темно-красными подушками. У противоположной стены находился туалетный столик, а на нем – разнообразные флаконы с духами и деревянная шкатулка с инкрустацией из слоновой кости.

Именно так Рия описывала свою спальню. Надо полагать, леди Торнборо целых десять лет сохраняла эту комнату не для того, чтобы теперь поместить здесь первую встречу.

Лиззи вновь опустилась на подушки и облегченно вздохнула. Нет, если бы ей не поварили, ее ни за что не принесли бы сюда. Значит, вопреки лихорадке и прочим зловещим предзнаменованиям она не совершила никаких ошибок. По крайней мере пока.

Дверь бесшумно открылась, и в комнату вошла невысокая полная женщина. Она была одета как служанка, но тем не менее весьма бесцеремонно уселась на стул рядом с кроватью.

– Ну наконец-то вы очнулись. – Она улыбнулась, обнажив щербинку между передними зубами. – Прямо скажем, заставили вы нас поволноваться...

Лиззи окинула ее быстрым взглядом. Седые волосы, аккуратно заправленные под белоснежный чепец. Пухлые розовые щеки и... маленький шрам под левым глазом – точно такой, какой описывала Рия, когда вспоминала свою няню. Всякий раз, когда Рия выводила Марту из себя – а такое случалось нередко, – давний шрам становился более заметным.

Лиззи охватило волнение, похожее на то, что она испытала перед тем, как рискнула назвать Джеймса по имени. Она словно готовилась шагнуть с обрыва, не видя моста, но зная, что он там окажется. Это было упоительное ощущение.

– Видишь, Марта, твоя Рия вернулась, и тебе снова приходится ее нянчить, – сказала она, подражая звонкому голосу и интонациям Рии. Лиззи с детства умела копировать разнообразные говоры и акценты жителей Лондона. Когда-то они с Томом часами забавлялись подобным образом, а теперь от этого умения зависело ее будущее.

Служанка просияла и стиснула руку Лиззи в своих больших шершавых ладонях.

– Господь услышал наши молитвы! Уж как мы боялись, что вас заберет проклятая лихорадка. – Она смахнула слезу. – Прошу прощения, мисс. Это я от радости. Мы уже не чаяли снова увидеть вас дома.

– Ты правда рада, Марта? А леди Торнборо... бабушка... она тоже довольна?

– Да, она просто счастлива, – без колебаний ответила Марта. – Понятное дело, она очень сердилась, когда вы уехали тайком, не помирившись с ней и не сказав ни слова. Но не зря говорят, что время лечит. Сколько раз я видела, как она сидит в саду, такая одинокая и грустная, и я знала, что она думает о вас.

Значит, леди Торнборо скучала по Рие и желала примирения. А на другом конце света Рия мечтала о том же самом. В последние недели болезни, посвящая Лиззи во все подробности своей жизни, она с тоской говорила о том, что дома, наверное, давно забыли о ней. Как она ошибалась! Оказывается, здесь все – и в первую очередь леди Торнборо – не теряли надежды когда-нибудь снова увидеть ее. Но Рия этого уже не узнает. Никогда. При мысли о такой страшной несправедливости Лиззи чуть не заплакала.

Марта ласково улыбнулась, приложила ладонь к ее лбу и удовлетворенно кивнула.

– Доктор Лейтон вчера сказал нам, что худшее позади и вы скоро поправитесь. Это всего лишь вопрос времени – так он выразился.

– Марта, долго ли я была без сознания?

– Пять дней, мисс.

– Пять дней?! – Лиззи попыталась сесть, но Марта удержала ее.

– Не спешите, мисс, – сказала она. – Вы еще недостаточно окрепли.

Лиззи только сейчас обратила внимание на то, что лежит не в своей сорочке, а в широкой фланелевой ночной рубашке.

– Марта, где моя одежда?

– Не о чем беспокоиться. Ее милость заказала для вас четыре новых платья. Ваши слишком поношенные и не соответствуют последней моде – так она выразилась.

Не о чем беспокоиться? А как же драгоценная семейная реликвия, которую Лиззи обещала беречь как зеницу ока и везла через океан зашитой в корсаж нижней юбки? Если ее вещи уже успели отправить на распродажу для бедных, то можно считать, что браслет с бриллиантами и сапфирами потерян навсегда.

Лиззи в панике схватила Марту за руку.

– Кто раздевал меня?

– Я, мисс. Совсем как в старые добрые времена. – Марта немного помолчала и с улыбкой добавила: – Не тревожьтесь понапрасну. Я нашла браслет.

У Лиззи отлегло от сердца.

– Думаю, ты узнала его?

– Конечно, мисс.

– Я непременно должна была вернуть его бабушке.

Марта похлопала ее по руке.

– Знаю, знаю. Моя Рия – честная девочка и могла взять чужое только по ошибке. Ее милость очень обрадуется, когда вы отдадите ей браслет.

– Разве ты этого еще не сделала?

Марта покачала головой.

– Нет, мисс. – Она понизила голос до заговорщического шепота: – Но я не хотела, чтобы браслет увидели другие слуги, и припрятала его на всякий случай. Он лежит в вашем тайнике.

Лиззи озадаченно заморгала.

Рия рассказывала только об одном тайнике – в Роузвуде, загородном поместье в Кенте. Там якобы хранилась давняя любовная переписка между матерью Лиззи и отцом Рии. И эти письма будто бы прямо указывали на то, что Лиззи – внебрачная дочь сэра Герберта Торнборо. Однако про тайник в лондонском доме Рия ничего не говорила.

Марта нахмурилась.

– Ну же, мисс... Да, конечно, с той поры много воды утекло, но вы должны помнить, где хранили свои секреты.

Неужели старая няня устраивает ей проверку?

Лиззи изобразила сладчайшую улыбку, ту самую, какой пользовалась Рия, когда ей надо было чего-нибудь добиться от Эдварда.

– Марта, ты такая умница... Но у меня нет сил встать с постели, а я хочу поскорее вернуть браслет бабушке. Прошу тебя, пожалуйста, принеси его мне.

Марта не двинулась с места.

– Ее милость была очень подавлена вашим побегом, мисс. Она слишком горда, чтобы признаться в этом, но на самом деле только и ждала, когда ее ненаглядная Рия вернется к ней. – Марта пристально посмотрела в глаза Лиззи и многозначительно добавила: – Надеюсь, вы постараетесь вести себя так, чтобы ей больше не пришлось страдать.

Лиззи в испуге замерла. У нее никогда не было слуг, но она твердо знала, что им не полагалось говорить с хозяевами в подобном тоне. Вдруг Марта обо всем догадалась?

Нет, лучше найти какое-нибудь другое объяснение. Вот хотя бы такое: Марта много лет служит в этом доме, понимает, что ее позиции достаточно крепки, поэтому может позволить себе некоторые вольности. Особенно по отношению к Рие, которую она выпестовала.

– Марта, хватит напоминать мне о моих ошибках. Я намерена их исправить. – Лиззи капризно надула губы. – Не будь такой кошмарной занудой.

Излюбленное выражение Рии, кажется, подействовало. Взгляд Марты заметно потеплел.

– Сейчас я принесу вам браслет, мисс.

Марта направилась в соседнюю комнату. По словам Рии, рядом с ее спальней была расположена бывшая детская. В самом деле, очень подходящее место для тайника. Лиззи вздохнула. Ее не покидало ощущение, что она перебиралась через бурный поток, ступая по скользким камням. Один неверный шаг – и ее смоем течением.

Дверь из коридора распахнулась, и вошла леди Торнборо. Да, она, Лиззи, выбрала очень скользкий путь.

– Ты очнулась. Слава Богу! – Леди Торнборо взглянула на пустой стул. – Где Марта? Я поручила ей ухаживать за тобой.

– Не сердитесь, бабушка. Она на минутку отлучилась по моей просьбе, только и всего. Марта вернулась из детской.

– Я здесь, миледи.

Няня сделала вид, что поправляет простыни, и незаметно вложила в руку Лиззи белый носовой платок. Судя по весу, в него был завернут браслет.

– Как ты себя чувствуешь?

Ладонь леди Торнборо – сухая и прохладная словно лист пергаментной бумаги – легла на лоб Лиззи. И ей понравилось это прикосновение. Она сделала глубокий вдох и прислушалась к своим легким. Несколько дней назад они взвыли бы от боли, а сейчас только тихонько ахнули.

– Мне кажется, я только что вынырнула.

Пожилая дама с озадаченным видом пробормотала:

– Боюсь, я тебя не поняла.

– Мне снился океан. Я плыла, плыла... и никак не могла вырваться на поверхность.

– Никаких разговоров про океаны! – отрезала леди Торнборо. – Они только и делают, что разделяют людей, которые должны быть вместе.

Резкий тон и суровый облик леди Торнборо – все это, казалось, подтверждало слова Рии о том, что у ее бабушки властный и неуступчивый характер. Однажды Рия восстала и бежала от этого характера за те самые океаны. Но давние страсти отгорели, уступив место раскаянию. Рия сошла в могилу с неосуществленной мечтой о примирении. Если верить Марте, леди Торнборо долгие годы жила той же мечтой. А раз так, то она, Лиззи, надеялась вскоре отыскать чувствительные струны в душе этой женщины. И сыграть на них.

Лиззи едва заметно улыбнулась.

– Попробую сказать по-другому. Я чувствую себя гораздо лучше. И пожалуй, немного проголодалась.

– Марта, передай кухарке, что теперь нам очень пригодится ее знаменитый бульон, – распорядилась леди Торнборо.

– Уже иду, миледи. – Марта торопливо вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

Леди Торнборо села на стул рядом с кроватью.

– Мы все с нетерпением ждем, когда ты нам обо всем расскажешь. Лорд Сомервилл каждый день приезжал, чтобы справиться о твоём здоровье.

Лиззи насторожилась. Лорд Сомервилл? Это, конечно, Уильям! Как глава семьи, он должен был интересоваться судьбой Эдварда. Надо полагать, Джеффри уже посвятил стар-

шего брата во все подробности ее бесславного возвращения. Откровенно говоря, Лиззи очень хотелось, чтобы о ее здоровье справлялся именно Джеффри. Она испытывала потребность снова увидеть его – хотя бы для того, чтобы все объяснить и поблагодарить. Ведь он позаботился о ней и перенес в дом... Правда, потом от его доброты не осталось и следа. Что, если он не желает иметь с ней ничего общего? Эта мысль не давала ей покоя.

– Наверное, оба брата моего мужа ждут возможности расспросить меня? – осведомилась Лиззи, пытаясь выведать у леди Торнборо, навещавшей ли сюда Джеффри.

– Оба?.. – в растерянности пробормотала леди Торнборо, и на ее лице появилось какое-то странное выражение. – Э-э-э... да, разумеется, – нерешительно кивнула она и в смущении отвела глаза.

Все понятно. Значит, Джеффри не объявлялся. Это грустно, но вполне естественно. В конце концов, у него достаточно оснований не любить Рию. И Лиззи должна с этим смириться. Теперь ей придется отвечать и за себя, и за Рию, и за Эдварда. В жизни каждого из них было много хорошего и много плохого. Выдержит ли она такую ношу?

Лиззи опустила глаза. На ее руке блеснуло кольцо. Кольцо Эдварда. Которое передала ей Рия.

Леди Торнборо осторожно дотронулась до кольца.

– Вы с Эдвардом поженились, правда?

– Да, конечно.

– А Эдвард... он... где?

Лиззи не сразу нашла в себе силы ответить. Перед ее мысленным взором возникли две могильные плиты – одна рядом с другой – в маленькой церкви Батерста.

– Он умер, – наконец вымолвила она и судорожно вздохнула.

Глядя на кольцо, Лиззи думала о людях, которые носили его до нее, и она знала, что никто и никогда не заменит их в ее сердце.

После недолгого молчания леди Торнборо тихо сказала:

– Твое черное платье навело нас на мысли о трауре, и мы очень встревожились. Но я отказывалась верить в худшее. Мне очень жаль, что наши опасения подтвердились. Как бы я раньше ни относилась к Эдварду, поверь, сейчас я глубоко опечалена. Я знаю, как больно потерять мужа.

Ее простые, но искренние слова дорогого стоили. В них заключались прощение и утешение.

– Бабушка... – Лиззи отметила про себя, что это слово с каждым разом нравится ей все больше. – Бабушка, я понимаю, мой побег принес вам много огорчений. Но я поступила так только из любви к Эдварду. Я не хотела скандала.

– Хотела или не хотела, но скандал был, – нахмурилась леди Торнборо. – И с этим уже ничего не поделаешь.

Лиззи осторожно сжала в руке браслет. Она знала, в чем заключалась истинная ценность этого украшения. Леди Торнборо получила его в подарок от мужа в день свадьбы.

– Может быть, я смогу хотя бы отчасти искупить свою вину, возвратив вам это. – Лиззи протянула ей маленький сверток.

Леди Торнборо дрожащими руками развернула платок, и солнечный луч победно отразился в бесчисленных гранях бриллиантов и сапфиров.

– Мой браслет, – пробормотала она, растроганная, и покачала головой. – Не могу поверить. Я не сомневалась, что ты давным-давно продала его.

Лиззи вспомнила, что говорила ей Рия, и просто повторила ее слова:

– Прошу вас, пожалуйста, постарайтесь простить меня. Я взяла браслет, потому что очень боялась бедности. Но Эдвард запретил мне продавать его. Он обещал сделать все для того, чтобы мы не испытывали нужды, и сдержал свое слово.

Лиззи подумала о Томе. О нем можно было сказать то же самое. Он защищал ее и без устали трудился, чтобы обеспечить ей достойную жизнь. И роль безутешной вдовы как нельзя более соответствовала сейчас ее настроению. Она потеряла того, в ком всегда находила поддержку и опору. И если он был ей не мужем, а братом, – разве от этого легче?

– Он был такой хороший... – совсем по-детски произнесла Лиззи и разрыдалась.

Леди Торнборо обняла ее и прижала к груди.

– Не печалься, дитя мое, все пройдет. Теперь ты дома, мы вместе, и, даст Бог, как-нибудь справимся.

Лиззи уже не помнила, когда в последний раз давала волю слезам. В Австралии от нее требовались мужество и стойкость. Эдвард, Том и Рия ушли друг за другом, оставив ее одну в холодном, безжалостном мире.

Лиззи прижалась к женщине, так искренне сочувствовавшей ей.

Отныне здесь ее дом. И здесь ее семья.

Глава 5

Джефффри сидел за письменным столом и пытался сосредоточиться. Как член правления Общества по улучшению положения рабочих, он отвечал за организацию передачи жильцам нового многоквартирного дома в Спитафилдс.

Обычно он охотно брался за подобные поручения и целиком погружался в работу. Ему претило бессмысленное прожигание жизни, процветавшее в высшем свете. Примкнув к сословию пэров, он не изменил своим привычкам и по-прежнему предпочитал по мере сил творить добро.

Однако сегодня, несмотря на его благие намерения, дело не двигалось с мертвой точки.

Ему не давали покоя мысли о Рие. Он постоянно вспоминал ее бледное лицо и заворачивающие фиалковые глаза, но убеждал себя в том, что это наваждение закончится, когда она ответит на мучившие его вопросы. Где Эдвард? Что с ним? Только Рия знает об этом. Но прошло уже пять дней, а она все еще не очнулась. Все это время Джефффри не находил себе места. Если она умрет, так и не рассказав ему об Эдварде...

Нет! Господь милостив, и Он этого не допустит. Джефффри покачал головой, взглянул на стопку документов и поморщился. На верхнем листе красовалась жирная клякса – единственный плод его сегодняшней деятельности. Он поставил перо в письменный прибор и отодвинул от себя бумаги.

В дверях кабинета появилась миссис Кларидж.

– Прошу прощения, сэр, вас хочет видеть леди Торнборо.

Если леди Торнборо решила приехать лично, значит, произошло что-то очень важное. Хорошее или плохое?

– Пожалуйста, проводите ее сюда.

Он встал из-за стола и принялся нервно расхаживать по кабинету, моля Бога о том, чтобы вести оказались добрыми.

Леди Торнборо, буквально влетевшая в комнату, устремилась к Джефффри и, взяв его за руки, сказала:

– Кризис миновал. Она пришла в себя.

Джефффри перевел дыхание.

– Вы говорили с ней?

На лице леди Торнборо отразилась печаль.

– Да. Очень недолго.

– И что же?..

Пожилая дама выпустила его руки и осмотрелась. С опозданием вспомнив про обязанности хозяйина, Джефффри указал на кресло у окна.

– Прошу вас, располагайтесь.

Она села, расправила складки на юбке и вопросительно посмотрела на него:

– А вы, лорд Сомервилл?

Джефффри предпочел бы стоять, а еще лучше – ходить по комнате. Движение всегда помогало ему успокоиться и собраться с мыслями в сложных ситуациях. Однако леди Торнборо явно не собиралась говорить, пока он не сядет, и ему пришлось подчиниться. Нехотя опустившись в соседнее кресло, он спросил:

– Итак, леди Торнборо, что же она сообщила? – К чему понапрасну тратить слова, если гостя и без того прекрасно знала, что он ждал известий об Эдварде.

– Боюсь, вы уже все поняли, – последовал ответ.

Вопреки обыкновению леди Торнборо изъяснялась чрезвычайно уклончиво – видимо, пыталась смягчить удар. Но Джеффри чувствовал себя так, словно она пронзила его кинжалом. Да-да, она убила его последнюю надежду.

– Но как... – У него внезапно пересохло в горле, и язык отказывался повиноваться. – Когда?

– Почти два года назад.

– Два года?! – Силы небесные! Когда он терзался, не решаясь объявить Эдварда умершим, тот уже давно покоился под могильной плитой. Какая жестокая насмешка судьбы.

– Рия не сообщила мне, как это произошло, – продолжала леди Торнборо. – Она просит нас собраться вместе, чтобы ей не пришлось лишний раз повторять свой рассказ.

– Значит, нас ждут какие-то ужасные подробности?

– Полагаю, что да. Я не стала расспрашивать ее, но для меня очевидно, что она все еще глубоко страдает.

Вероятно, Джеффри следовало бы посочувствовать переживаниям Рии, но сейчас они занимали его в последнюю очередь. У него все расплывалось перед глазами. Ему хотелось бежать сломя голову, и в то же время он не мог пошевелиться. Невыносимая боль завладела всем его существом.

– О, Эдвард... – простонал он.

Леди Торнборо достала из ридикюля платок, от которого исходил тонкий аромат лаванды, и деликатно приложила его к носу.

Джеффри судорожно пытался представить себе, отчего мог умереть его брат. Несчастный случай? Неизлечимая болезнь?..

– Она даже не намекнула?

– К сожалению, нет.

– Они действительно были в Австралии? Или она бредила?

– Они были в Австралии. И мне тоже не терпится узнать, как и почему они оказались в таком ужасном месте. – Леди Торнборо убрала носовой платок в ридикюль. – Доктор Лейтон утверждает, что через несколько дней ей станет значительно лучше. Как только она сможет принимать посетителей, я сообщу вам об этом.

Еще несколько невыносимо долгих дней, наполненных мучительным ожиданием... Джеффри казалось, что его поджаривали на медленном огне. Кончится ли когда-нибудь эта пытка?

– Лорд Сомервилл, поверьте, я понимаю, как вам тяжело, – проникновенно произнесла леди Торнборо. – Меня бесконечно радует возвращение Рии, но вместе с тем я глубоко опечалена кончиной вашего брата.

Джеффри молча кивнул, не в силах произнести ни слова.

– Сейчас вам кажется, что вы остались один в целом мире. Но вы ошибаетесь. – В голосе леди Торнборо зазвучали знакомые металлические нотки. – Смерть Эдварда никоим образом не повлияет на наши отношения. Вы навсегда останетесь членом нашей семьи. На сей счет у вас не должно быть никаких сомнений, – закончила она тоном, не терпящим возражений.

Леди Торнборо вновь стала самой собой – властной, решительной дамой, в устах которой любое пожелание приобретало форму приказа. Джеффри понял, что на этот раз он уже не отделается молчаливым кивком, поэтому пробормотал:

– Вы очень добры.

Кажется, леди Торнборо осталась довольна его ответом. А может быть, просто сочла за лучшее пока не давить на него. Она встала, и Джеффри тотчас последовал ее примеру – скорее не из вежливости, а потому, что ему очень этого хотелось.

– Не стану дольше обременять вас своим присутствием. – Она взглянула в зеркало над каминной полкой, поправила шляпку и повернулась к двери. – Мне пора идти.

– Очевидно, вы торопитесь вернуться к Рие.

– Разумеется. Однако сначала я поеду на Риджент-стрит.

Это заявление озадачило Джеффри. На Риджент-стрит – сплошные модные лавки. Неужели леди Торнборо не могла найти более подходящего времени для покупок?

– Я должна заказать новые платья для Рии. То небольшое, что она привезла с собой, не соответствует последней моде и ее положению.

Джеффри подумал, что ослышался.

– Ее положению?..

– Да. Она молодая вдова в полутрауре. Этот жизненный этап требует тщательно подобранного гардероба.

Еще раз заверив Джеффри в том, что будет держать его в курсе событий, леди Торнборо вышла из кабинета так же стремительно, как вошла.

Джеффри оставалось только гадать, в каком «положении» и на каком «жизненном этапе» оказался он сам после возвращения Рии.

Глава 6

Сидя перед туалетным столиком, Лиззи ждала, когда Марта закончит причесывать ее, и придирчиво рассматривала свое отражение в зеркале.

Ее щеки заметно круглились, и на лице почти не осталось следов болезни и долгих месяцев лишений. Отдых в тишине и покое явно пошел ей на пользу. Не говоря уже о знаменитом бульоне, которым ее поили в невероятных количествах.

Через несколько минут ей предстояло впервые спуститься в гостиную в качестве Виктории Сомервилл.

Темно-серое шелковое платье в тончайшую жемчужную полоску как нельзя более соответствовало ее нынешним обстоятельствам. Оно выглядело дорого, изысканно и очень шло ей.

Ее волосы были убраны вверх и завиты в тугие локоны. Страшно нудная процедура, но Рие наверняка понравилась бы такая прическа, поэтому Лиззи пришлось потерпеть.

С того дня как лихорадка отступила, прошла ровно неделя. До сих пор Лиззи без особого труда справлялась со своей ролью, но не спешила радоваться. За это время она ни разу не покидала спальни и не видела никого, кроме леди Торнборо, Марты, доктора Лейтона и молоденькой горничной, которая убирала комнату. Все самое трудное только начиналось. Впереди ее ждали настоящие испытания, и главным из них должна была стать встреча с Сомервиллами. Возможно, Лиззи удалось обмануть леди Торнборо и Марту лишь потому, что им очень хотелось верить в возвращение Рии. С Уильямом и Джеффри дело обстояло куда сложнее.

В рассказах Рии Уильям представлял человеком совершенно чуждым сантиментам и весьма проникательным. Даже слишком. Еще не ступив на землю Англии, Лиззи знала, что он вполне мог разоблачить ее, если она проведет слишком много времени в его обществе. Теперь у нее появились точно такие же опасения в отношении Джеффри. Ей не давало покоя воспоминание о том, как он смотрел на нее в день приезда – не отрываясь, пристально, с недоверием и подозрением. С ним определенно следовало быть очень и очень осторожной.

Пока Марта втыкала в прическу последние шпильки, Лиззи лихорадочно вспоминала все, что помнила из рассказов Рии об устройстве дома и о прислуге. Марта подтвердила, что дворецким по-прежнему служил мистер Хардинг, а экономкой являлась миссис Траверс. И кухарка была все та же милейшая женщина, к которой маленькая Рия постоянно бегала за сладостями.

Конечно, были еще слуги и горничные. Лиззи понятия не имела, сколько их и кого как зовут, но не особенно беспокоилась по этому поводу. Взбалмошная и легкомысленная Рия вполне могла позабыть такие мелочи. Тем более что прошло целых десять лет.

Лиззи встала со стула.

– Достаточно, Марта, – сказала она, старательно подражая звонкому голосу Рии. – Думаю, я совершенно готова.

– С вашего позволения, вы и впрямь чудесно выглядите, мисс Рия. – Марта тут же прикрыла рот ладонью. – О, прошу прощения, миледи. Признаться, мне трудно думать о вас как о миссис Сомервилл. Для меня вы навсегда останетесь мисс Рией.

Лиззи на секунду задумалась. Марта, кажется, приняла ее, и в дальнейшем няня могла стать неоценимой помощницей.

– Меня радует, что ты так ко мне относишься. Обещаю не ругать тебя за это.

Марта почтительно поклонилась, но в ее глазах мелькнули веселые огоньки.

– Премного благодарна, мадам.

Лиззи еще раз взглянула в зеркало и направилась к двери. Марта хотела двинуться следом, но Лиззи остановила ее:

– Не надо. Я спущусь сама.

Няня кивнула:

– Как прикажете, мадам.

Лиззи вышла в коридор. Настала пора по-настоящему познакомиться с домом и воочию увидеть все то, о чем так подробно рассказывала Рия. Слева располагались комнаты леди Торнборо и гостевые спальни. Лиззи же повернула направо, к лестнице.

Орнаменты из роз на шерстяном ковре и обоях в точности совпадали с описанием Рии. Лиззи медленно шла по коридору, легонько проводя пальцами по полированным дубовым панелям. Она не совсем выздоровела, но, к счастью, довольно сносно держалась на ногах.

Почти в конце коридора Лиззи обнаружила еще один предмет из воспоминаний Рии – живописный летний пейзаж в золоченой раме. Для Рии он представлял особую ценность, потому что его нарисовала ее мать, которую она потеряла в трехлетнем возрасте. Картина, написанная сочными уверенными мазками, изображала величественное старинное здание в окружении пышных кустов роз и сирени на фоне убегающих вдаль пологих холмов. Лиззи с замиранием сердца смотрела на мастерски исполненное полотно. Вот он, Роузвуд, – родовое гнездо Торнборо, где должны храниться письма, проливающие свет на тайну ее происхождения.

Лиззи оглянулась. Марта наблюдала за ней, стоя в дверях спальни.

– О, Марта, до чего же прекрасен наш Роузвуд! Мне не терпится скорее уехать туда.

Марта приподняла брови:

– Раньше вам больше нравилось жить в городе.

Этого Лиззи никак не ожидала. Описывая Роузвуд, Рия не жалела восторженных эпитетов. Вероятно, она пересмотрела свои оценки под влиянием тоски по родине. Хотя Рия вообще не отличалась постоянством суждений. Причем, меняя свое мнение на прямо противоположное, она всякий раз категорически отрицала, что когда-либо думала иначе. Лиззи решила применить такую же тактику.

– Какой вздор, Марта, – бодро заявила она. – Я всегда считала Роузвуд лучшим местом в мире.

Ее уловка вызвала у Марты добродушную улыбку.

– Ну разумеется, мадам.

Лиззи отправилась дальше и спустилась по лестнице на второй этаж. Здесь находились библиотека и гостиная. А на стенах коридора висели фамильные портреты. Перед одним из них она не могла не остановиться.

С портрета на нее смотрел представительный, богато одетый мужчина со светлыми волосами и ярко-синими, почти фиалковыми, глазами. В его облике чувствовалось сознание собственного превосходства, а также нерушимое спокойствие. Однажды, давным-давно, Лиззи видела этого человека. Тогда он выглядел куда менее достойно, и она даже не догадывалась, кто он такой.

Сэр Герберт Торнборо. Ее отец.

Тот эпизод, приключившийся с Лиззи, когда ей было всего пять лет, быстро забылся и вновь ожил в ее памяти лишь многие годы спустя, во время разговора с Рией. И это происшествие оказалось их единственным общим воспоминанием о детстве.

В тот вечер Лиззи стояла у дверей бакалейной лавки, принадлежавшей Сэму Пулу, которого она считала своим отцом. Дожидаясь, когда он закончит работу и они смогут вместе пойти домой, она от нечего делать смотрела по сторонам. Из аптеки напротив вышла маленькая девочка, на вид тоже примерно лет пяти. Заметив Лиззи, она подбежала к ней и бойко спросила, как ее зовут. Но Лиззи не успела ответить. Герберт Торнборо выскочил из

аптеки, устремился к Рие и, взяв ее за локоть, сказал, что ей не следует тратить время на пустопорожнюю болтовню с незнакомыми людьми.

Тут появился Сэм и заслонил собой Лиззи – словно боялся, что сэр Торнборо обидит ее.

С тех пор как Рия напомнила ей этот случай, Лиззи часто думала о нем и всякий раз испытывала противоречивые чувства. По словам Рии, ее отец часто приезжал в аптеку напротив лавки Сэма Пула – якобы за какой-то чудодейственной мазью от подагры. Рия уверяла, что мазь – всего-навсего предлог, а на самом деле он бывал там только для того, чтобы хоть мельком взглянуть на Лиззи. Уж он-то наверняка знал, кто она такая.

Тогда почему же он повел себя так странно, когда они столкнулись лицом к лицу?

И можно ли поверить, что он всерьез увлекся другой женщиной, если в это самое время его жена ждала ребенка?

Лиззи едва сдерживала слезы. Человек на портрете казался надменным и самодовольным. Однако она видела, что похожа на него. Ее брат Том был точной копией смуглого черноволосого Сэма Пула. А Лиззи внешне ничем не напоминала ни Сэма, ни свою мать Эмму – замкнутую молчаливую женщину с мягкими каштановыми волосами и карими глазами.

– Все собрались в розовой гостиной, миледи, – раздался у нее над ухом чей-то скрипучий голос.

Вздрогнув от неожиданности, Лиззи повернулась и увидела Хардинга, стоявшего совсем рядом. Как ему удалось приблизиться к ней совершенно бесшумно? Недаром Рия боялась его. Дворецкий держался вполне почтительно, однако Лиззи не сомневалась, что он исподтишка наблюдал за ней, пока она рассматривала портрет.

– Спасибо, Хардинг, – сухо произнесла она. – Я именно туда и направляюсь.

Возможно, она говорила излишне высокомерным тоном, но внезапное появление Хардинга вывело ее из равновесия. Если она – Рия, значит, следовало обращаться со слугами как подобает. С Мартой у нее сложились более или менее доверительные отношения, но всех остальных это не касалось. Дворецкий обязан усвоить, что впредь ему следует соблюдать должную дистанцию.

Он молча кивнул и удалился.

Пройдя еще несколько шагов по коридору, Лиззи остановилась у дверей гостиной и прислушалась к тихому журчанию голосов. Несмотря на показную браваду перед Хардингом, она чувствовала себя очень неуверенно. Лиззи закрыла глаза и тяжело вздохнула. Люди, собравшиеся в гостиной, имели право знать о том, что произошло в Австралии. Она обещала дать исчерпывающие ответы на их вопросы и готова была рассказать почти все – за исключением нескольких весьма существенных деталей.

Пока она успешно справлялась со своей ролью благодаря внешнему сходству с Рией и сведениям, полученным от нее. Но, как известно, дьявол кроется в мелочах. Любой пустяк мог вызвать подозрения. Она неизбежно ошибется – раз, другой, третий... И что потом? Не лучше ли прямо сейчас повернуться и убежать? Вот только куда?

Она мысленно призвала на помощь Рию. После того как провидение свело их вместе, они были неразлучны – в будни и праздники, за тяжелой работой и в часы отдыха. Между ними не было тайн, они делились друг с другом планами на будущее и воспоминаниями о прошлом. Их связывали особые отношения, и Лиззи доводилось слышать, что такое родство душ часто встречается у близнецов. Они с Рией были не близнецами, но – сестрами. Лиззи тоже дочь Герберта Торнборо. И она докажет это.

Ее страхи исчезли без следа, уступив место нетерпению. Она знала, что надо делать, и верила в свои силы.

«Вперед!» – приказала она себе и, набрав в грудь побольше воздуха, распахнула дверь.

Глава 7

Уильяма в гостиной не было. Из Сомервиллов присутствовал только Джеффри, одиноко стоявший у камина – точно там же, где Лиззи впервые увидела его. Тогда его глаза прожигали ее насквозь, теперь же напоминали тлеющие угли, готовые в любую секунду вспыхнуть ярким пламенем. Она с усилием отвела взгляд и осмотрелась.

В тот день, когда ее принесли сюда, Лиззи было не до того, чтобы рассматривать детали интерьера. А сегодня, несмотря на волнение, она смогла оценить, насколько здесь красиво и уютно. В центре комнаты на круглом столе стояла большая ваза с розами. Лиззи вспомнила, как сладкий аромат роз первым проник в ее сознание, когда она, едва живая, лежала на диване. Сейчас на том самом диване сидела леди Торнборо. Рядом, в кресле, вальяжно расположился Джеймс. У Лиззи потеплело на сердце. Кажется, она и в самом деле начинала привыкать к тому, что они – ее близкие родственники.

И все-таки, где же Уильям?

– Рия, – сказала леди Торнборо, – вот и ты, наконец.

– Простите, что заставила вас ждать, бабушка.

Джеймс подошел к ней и поцеловал в щеку.

– Право, кухня, мы ничуть не удивлены. Ты никогда не отличалась пунктуальностью.

– Ты не догадываешься, с кого я брала пример? – с веселой улыбкой поинтересовалась

Лиззи.

Джеймс широко улыбнулся.

– Понятия не имею.

Джеффри покинул свой пост у камина, приблизился к ней и сдержанно, словно нехотя, поклонился.

– Рад видеть вас в добром здравии... Рия. – У Лиззи вновь возникло ощущение, что он с трудом сохраняет самообладание. – Признаться, мне весьма неловко называть вас по имени при первом знакомстве.

– Ну, на самом деле оно уже не первое, – заметил Джеймс.

Нет, не первое. Более того, Джеффри помог ей, больной и окровавленной, когда еще не знал, кто она такая. То есть не знал, что она – Рия. То есть как бы Рия...

– Конечно, вы должны называть меня по имени. Ведь все мы – одна семья, не правда ли?

Ей очень хотелось добиться его расположения, но она понимала, что это будет непросто. Но как иначе выполнить обещание, данное Рие, как наладить отношения с ее родственниками? Преодолев приступ робости, Лиззи улыбнулась Джеффри и протянула ему руку.

Его мягкое прикосновение тотчас отозвалось в ней воспоминанием о том, как он нес ее на руках. Кровь прилила к ее щекам и тут же отхлынула под действием ледяного взгляда Джеффри. Лиззи начала подозревать, что рядом с ним ее всегда будет бросать то в жар, то в холод.

Джеффри был очень похож на Эдварда – и в то же время разительно отличался от него. Мысленно сравнивая двух братьев, Лиззи никак не могла поверить, что Джеффри – младший. Он казался куда более взрослым и серьезным.

Эдвард до конца оставался неукротимым искателем приключений. Как человек истинно светский, он с легкостью заводил знакомства. Однако в нем не было ни капли снобизма. Он умел видеть в людях хорошее и не придавал значения сословным и прочим предрассудкам. Доказательством тому служило его отношение к Лиззи. Он знал о ее прошлом, но это не мешало им стать близкими друзьями.

Джеффри же, напротив, держался с ней крайне холодно, хотя верил, что она – вдова его родного брата. Да, конечно, из-за Рии Эдвард покинул Англию. Но на совести Лиззи были куда более тяжкие прегрешения... Страшно подумать, как повел бы себя Джеффри, если бы узнал, кто она на самом деле. Уж тогда он точно перестал бы сдерживаться и просто-напросто уничтожил ее презрением.

У нее не было иного пути, кроме окончательного и бесповоротного перевоплощения в Рию. Со временем она найдет способ помириться с этим человеком. А потом попытается завоевать его уважение. И пусть имя Рии поможет ей добиться успеха.

«Она прелестна, – подумал Джеффри. – Глупо отрицать очевидное». Серое платье «молодой вдовы в полутрауре» – кажется, именно так выразилась леди Торнборо – выгодно подчеркивало фиалковый оттенок глаз. Синяк на левом виске еще не рассосался, но ничуть не умалял ее красоты. А нежная смуглость лица напоминала о том, что Рие приходилось подолгу бывать на солнце.

Джеффри опустил глаза. Прохладная рука, лежавшая у него на ладони, уже не выглядела грубой и натруженной. Застарелые мозоли почти исчезли, и кожа стала гораздо мягче.

Отдых и заботливый уход совершенно преобразили Рию. Две недели назад Джеффри принес сюда жалкое измученное существо. Теперь же перед ним стояла в высшей степени любезная дама с прекрасными манерами. Судя по всему, она очень старалась произвести на него хорошее впечатление.

– Я должна поблагодарить вас за то, что вы сделали для меня. – Она снова улыбнулась, очевидно, рассчитывая покорить его своей красотой.

Мало ей Эдварда? Нет уж, он, Джеффри, не собирался идти по стопам брата и поддаваться на ее ухищрения.

– Вы желаете поблагодарить меня за то, что я сбил вас на мостовой? – осведомился он.

– Это случилось по моей вине, – спокойно ответила она. – Я от души благодарю вас за помощь, которую вы мне оказали.

Джеффри на мгновение забылся – и утонул в ее фиалковых глазах. Кажется, позови она, и он, как Эдвард, без колебаний отправился бы за ней на край света.

Он тотчас отбросил эти мысли, напомнив себе о суровой действительности. Эдвард пошел на поводу у страсти, а Рия потворствовала этому. Вероятно, им казалось, что «истинная любовь» окупит любые жертвы. В итоге оба лишились доброго имени и достойной жизни, но ничего взамен не приобрели, кроме невзгод и страданий. У него, Джеффри, немало недостатков, но в его характере не было безрассудства и склонности к романтическим фантазиям. И не будет.

Он выпустил ее руку и отступил на шаг.

Рию явно задела его холодность. Она повела плечами и вскинула подбородок. А потом произнесла нечто совершенно неожиданное:

– Насколько я понимаю, Уильям все еще сердится.

Джеффри показалось, что он ослышался.

– Простите, вы о чем?..

– Вряд ли его сильно опечалил наш разрыв, – продолжала Рия. – В глубине души мы оба всегда знали, что не подходим друг другу. Надеюсь, он вполне счастлив с Аннабел Харрис.

Джеффри молчал, и она, по-своему истолковав его замешательство, добавила:

– Мне известно, что они поженились. Я прочла сообщение об их свадьбе в разделе светской хроники.

Джеффри в недоумении повернулся к леди Торнборо:

– Неужели вы до сих пор ничего не сказали ей?

– Я сочла за лучшее не торопиться, – ответила леди Торнборо. – Рия была так слаба... Я решила подождать и рассказать обо всем, когда мы соберемся все вместе.

– Вы что-то от меня скрываете? – спросила Лиззи.

Леди Торнборо деликатно промокнула слезу носовым платком. Джеймс в смущении откашлялся и отвел глаза.

Джефффри понял: придется говорить самому.

– Рия, Уильяма больше нет. Прошлым летом он умер от скарлатины. Очевидно, эта новость из раздела светской хроники ускользнула от вашего внимания.

Рия тихо ахнула и прижала руку к груди. Джефффри никак не ожидал столь бурного проявления скорби от женщины, которая без зазрения совести бросила Уильяма много лет назад. Вероятно, она горевала о том, что они с Эдвардом не успели вовремя вернуться в Англию и упустили возможность унаследовать титул и состояние.

Рия чуть покачнулась. Опасаясь, что она упадет в обморок, Джефффри шагнул вперед, взял ее за локоть и тотчас пожалел об этом. Ни в коем случае нельзя было подходить к ней так близко. Тепло ее тела проникло сквозь тонкий шелк платья... и поразило Джефффри словно удар молнии. Глядя сверху вниз на ее склоненную голову, он не мог оторвать глаз от белокурых локонов. От нее пахло свежими розами. Дивный аромат, который никогда раньше не казался ему таким пьянящим.

– Рия, иди ко мне, – позвала леди Торнборо. – Тебе надо сесть. Подумай о своем здоровье.

Джефффри понимал, что должен проводить ее к дивану, но решительно не мог сдвинуться с места.

Джеймс приблизился к Рие, взял ее за руку и кивнул Джефффри:

– Пожалуйста, позволь мне.

Рия отстранилась, и Джефффри тотчас же почувствовал себя одиноким и покинутым. Зато к нему вернулась способность соображать.

И все-таки его взгляд устремился следом за Рией. Даже сейчас, в подавленном состоянии, она держалась прямо и двигалась грациозно, но без суеты и жеманства. В ней чувствовалось достоинство, и это не укладывалось у Джефффри в голове. Он привык думать о Рие как о легкомысленной взбалмошной девице. В конце концов, она пренебрегла возможностью стать баронессой и сбежала с мужчиной, чьи виды на будущее представлялись весьма туманными. Вероятно, тяготы жизни вынудили ее повзрослеть и образумиться.

А впрочем... Обстоятельства ее неожиданного появления у этого дома внушали немалые опасения. Возможно, она ничуть не изменилась и в любую минуту может выкинуть какой-нибудь фортель.

Рия села на диван рядом с леди Торнборо и спросила:

– А как поживает Аннабел?

– Мой брат и его супруга умерли в один день с разницей в двенадцать часов, – жестко произнес Джефффри. Он тяжело переживал трагический уход близких людей и не считал нужным щадить чувства Рии.

– Ваш брат и его супруга... – Ошеломленная, она пробормотала: – Уильям и Аннабел... они оба умерли?

Леди Торнборо погладила ее по руке.

– Дорогая моя, я предвидела, что ты примешь это известие близко к сердцу. Потому и решила подождать.

– Уильям и Аннабел умерли, – тихо повторила Рия, словно пыталась убедить себя в том, что это – правда. Она посмотрела на Джефффри. – Значит, – в ее глазах забрезжила догадка, – вы теперь лорд Сомервилл?

– Так и есть, кузина, – подтвердил Джеймс. – Причем уже несколько месяцев.

– Несколько месяцев? – Она прищурилась. – Как такое может быть? Ведь вы тогда еще не знали, что с Эдвардом.

– Действительно, головоломная задача. – Джеффри не удержался от сарказма. – В семье, где титул передается по наследству, три брата. Старший умер, не оставив потомства. Средний пропал без вести десять лет назад и по всем законам считается умершим. Что прикажете делать младшему?

– Неужели вы даже не попытались найти Эдварда... То есть нас?

– Вы желаете получить подробный письменный отчет о том, сколько времени и средств мы потратили на поиски, сколько людей расспросили, сколько городов и деревень объехали, сколько судебных списков проверили? Или все-таки соизволите поверить мне на слово?

– Но мы ничего не знали, – сказала Рия с досадой и сожалением.

– Вы знали бы куда больше, если бы мы знали, где вы находились, – отчеканил Джеффри.

Рия опустила глаза.

– Да, наверное, вы правы, – с сомнением в голосе промолвила она.

Джеффри возмутил ее тон. Как она смеет?! Ему пришлось пережить муки ада, и не ей судить его.

– Наверное? Вы полагаете, я мечтал получить наследство и теперь наслаждаюсь титулом? Вот уж нет, будьте уверены.

– Что правда, то правда, – вмешался Джеймс. – Ты совершенно не торопишься воспользоваться всеми выгодами своего положения.

Джеймс пытался разрядить обстановку, но Джеффри оставил его слова без внимания. Он не сводил глаз с Рии.

– Повторяю: по закону Эдвард уже считался умершим, а я – последний, кто признал это. Видит Бог, мне было нелегко. Но после кончины Уильяма у меня не оставалось иного выхода. Я должен был принять на себя ответственность за дела семьи. Долг превыше всего. Советую вам запомнить это на будущее.

Рия сдвинула брови:

– Я здесь именно для того, чтобы исполнить свой долг.

– Ну так за чем же дело? – поинтересовался Джеффри. Десять лет он терзался, не зная, что стало с Эдвардом, и теперь не хотел ждать ни минуты. – Довольно медлить. Расскажите нам наконец, где вы были и как умер Эдвард. И почему за все эти годы вы ни разу не удосужились написать нам ни единой строчки.

Глава 8

Пристально глядя на барона, Рия больше не расточала любезных улыбок.

– Джеффри, я уверен, кузина готова рассказать нам все, если мы предоставим ей такую возможность, – заметил Джеймс. Он с удобством расположился в кресле напротив Рии – словно завзятый театрал перед началом увлекательного спектакля.

Леди Торнборо указала Джеффри на соседнее кресло.

– Лорд Сомервилл, позвольте предложить вам сесть. Давайте не будем горячиться и спокойно во всем разберемся.

За вежливой просьбой скрывался приказ. Леди Торнборо привыкла повелевать всегда и везде, а в собственном доме и подавно. Джеффри сел и попытался успокоиться. Он досадовал на себя из-за того, что потерял самообладание и вспылал. Однако две недели мучительной неопределенности истощили запасы его терпения. В конце концов, всему есть предел.

– Я начну с вашего последнего вопроса, Джеффри, – проговорила Рия. – Вы спросили, почему мы не написали ни строчки. Но это не так. Перед отъездом из Шотландии мы с Эдвардом сообщили, что поженились и отправляемся в Сидней.

– Никто из нас не получал никаких сообщений, – возразил барон.

Рия нахмурилась.

– Понятно. Значит, письма затерялись или вовсе не были отправлены.

– Разве вы не сами их отправили?

– Нет. Мы боялись опоздать на корабль и очень спешили. Уже на пристани нам согласился помочь матрос с другого судна. Откровенно говоря, его внешность не внушила мне особого доверия, но Эдвард со мной не согласился. Он дал ему денег и попросил отослать письма. Судя по всему, обещания этого субъекта ничего не стоили, и он попросту выкинул пакет с письмами, а деньги оставил себе.

– Эдвард лишний раз продемонстрировал поразительную способность принимать неверные решения, – проворчал Джеффри. – Вы больше не пробовали связаться с нами?

– Нет. Нас потрясло ваше молчание. Мы оставили свой новый адрес в почтовом отделении Сиднея, но так и не получили от вас ответа. Вспомнив того сомнительного матроса, я заподозрила неладное и предложила Эдварду написать снова. Однако он был слишком гордым и сказал, что мы дадим о себе знать, когда твердо встанем на ноги. Он хотел доказать всем, в первую очередь братьям, что не нуждается ни в чьей помощи и способен самостоятельно добиться успеха.

– Но каким ветром вас занесло в Австралию? – спросил Джеймс. – Пожалуйста, расскажи все по порядку.

– Да, конечно... – Лиззи тяжело вздохнула. – Как вы уже поняли, мы с Эдвардом сбежали в Шотландию.

Джеймс усмехнулся.

– И обвенчались у наковальни в Гретна-Грин?

Леди Торнборо поморщилась и строго сказала:

– Джеймс, будь добр, уймись хотя бы на час.

– Простите, если оскорбил ваш слух. – Джеймс спрятал улыбку. – Однако, по моему скромному мнению, юмор иной раз помогает обсудить самые щекотливые вопросы.

Словно подтверждая его правоту, Рия негромко засмеялась.

– Мой слух ничуть не пострадал. – Она одарила Джеймса ласковым взглядом, который отчего-то раздосадовал Джеффри. – В Шотландии союз, скрепленный ударом молота по наковальне, признается законным и нерушимым. Но мы с Эдвардом обвенчались как должно – в церкви, по специальному разрешению. – Рия многозначительно посмотрела на Джеффри.

– Слава Богу, – промолвила леди Торнборо.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил Джеффри, желая быстрее перейти к главным событиям. – По нашим сведениям, вы ненадолго останавливались в Эдинбурге.

Рия кивнула:

– Да, верно. Сначала мы собирались выехать в Ливерпуль и оттуда в Америку. Но Эдвард неожиданно передумал. Один человек – мы познакомились с ним в Шотландии – убедил Эдварда в том, что Австралия предоставляет куда более широкие возможности для процветания. Поэтому из Эдинбурга мы морем добрались до Плимута, а потом отправились в Сидней.

– Скажи, вы должны были отплыть из Ливерпуля на «Морском страннике»? – с живейшим интересом осведомился Джеймс. – Представляешь, он затонул по пути в Америку. Никто не спасся. Вы бесследно исчезли как раз в это время, и такое совпадение наводило на самые печальные мысли. Мы не нашли вас в списках пассажиров, но подумали, что вы могли использовать вымышленные имена.

– Какое счастье, что мы не сели на этот злополучный корабль, – с дрожью в голосе произнесла Рия. – А могли бы, если бы придерживались первоначального плана. – Она вновь посмотрела на Джеффри. – Надо полагать, в данном случае Эдвард принял верное решение.

Джеффри пропустил мимо ушей ее язвительное замечание. Его интересовали факты, и только факты.

– Но вы все же взяли вымышленные имена, верно?

– Да, это правда. Мы назвались мистером и миссис Смит.

– Смит? – ухмыльнулся Джеймс. – Как оригинально! – Он собирался что-то добавить, но осекся под суровым взглядом леди Торнборо.

– В Австралии мы познакомились с мистером Маккреем – владельцем большой овцеводческой фермы в Новом Южном Уэльсе, у подножия Голубых гор, – продолжала Рия. – Мистер Маккрей сразу предложил Эдварду работу. В Австралии отчаянно нуждаются в притоке свободных поселенцев.

– Еще бы! – воскликнул Джеймс. – Насколько я понимаю, там обитают в основном каторжники. Или бывшие каторжники. Словом, страна преступников.

Леди Торнборо сокрушенно покачала головой.

– Надо же такому случиться... Внучке рыцаря и сыну барона вздумалось жить бок о бок с отбросами общества.

Высказывания подобного рода безумно раздражали Джеффри. За годы служения в провинциальном приходе он убедился в том, что бедняков толкает на преступление не порочная натура, а беспросветная нищета и безысходность. В обществе было бы куда меньше «отбросов», если бы сытые и богатые соизволили повернуться лицом к сирым и убогим.

– Ты хочешь сказать, что вам пришлось работать на ферме? – недоверчиво спросил Джеймс. – Не понимаю, как вы такое выдержали.

– На первых порах было очень нелегко, – призналась Рия. – Правда, скорее мне, чем Эдварду. Он трудился как одержимый. – Она с вызовом взглянула на Джеффри. – Им владело желание добиться успеха.

– Чего-чего, а желаний у Эдварда всегда было хоть отбавляй, – заметил барон.

Он любил брата и не считал его ленивым или слабым. Но Эдвард воспитывался в роскоши и не имел привычки работать, тем более – на ферме.

– Вскоре Эдди стал одним из ближайших помощников мистера Маккрея. Он часто ездил в Сидней – отвозил туда шерсть и возвращался обратно с деньгами и всевозможными припасами. Это была очень ответственная работа. – Рия на секунду прикрыла глаза. На ее лице появилось страдальческое выражение. – И очень опасная. Однажды он столкнулся в горах с шайкой беглых каторжников. В Австралии они называются бушрейнджеры, а...

– А у нас – разбойники с большой дороги, – подхватил Джеймс.

Она кивнула.

– На Эдварда напали бушрейнджеры? – растерялся Джеффри. Гадая, от чего мог умереть его брат, он думал о болезни или несчастном случае, но никак не о разбойниках.

– Их было трое. – Она судорожно сглотнула. – Эта поездка оказалась для Эдварда последней.

На несколько мгновений все затаили дыхание. Казалось, даже уличный шум, проникавший в раскрытое окно, отступил перед гнетущей, почти осязаемой тишиной, воцарившейся в гостиной.

Джеффри впился глазами в лицо Лиззи.

– Значит, Эдвард умер не своей смертью? Его убили?

– Думаю, они не собирались никого убивать. Бушрейнджеры обычно забирают деньги и скрываются, оставляя жертв ограбления связанными посреди дороги, чтобы их нашли и освободили другие путники. Но Эдвард с Томом оказали сопротивление и...

– Минуточку, – перебил Джеймс. – Кто такой Том?

– Еще один работник с фермы, – ответила Лиззи. Ее брат был лучшим другом Эдварда, но ради собственной безопасности она не стала вдаваться в подробности. – Бушрейнджеры рассчитывали на легкую добычу. У них были лошади, а у Эдди с Томом – воловья упряжка.

Леди Торнборо нахмурилась и пробормотала:

– Какая связь между легкой добычей и воловьей упряжкой?

– Повозка с волами движется очень медленно, и на ней нельзя спастись бегством. Но Эдди и Том не пожелали так просто расстаться с деньгами. Завязалась перестрелка, и дело кончилось тем, что Эдвард был...

– Убит, – глухо вымолвил Джеффри.

Лиззи покачала головой:

– Нет, не убит, но тяжело ранен.

Она умолкла, зная, что перед глазами каждого из слушателей возникла одна и та же страшная картина – Эдвард, истекающий кровью на голой земле.

Лицо Джеффри исказилось от горя. Леди Торнборо прижала руку к сердцу. Джеймс опустил голову. И все замерли. Только старинные часы мерно тикали, продолжая отсчитывать ход времени.

Наконец Джеймс решился нарушить молчание.

– Что было дальше? – тихо спросил он.

– Увидев, что двое из шайки мертвы, третий бушрейнджер вскочил на лошадь и умчался прочь.

– Эдвард и его спутник прикончили двоих бандитов? – Глаза Джеймса засияли от восторга. – Потрясающе!

Руки Джеффри сжались в кулаки.

– А что произошло с Томом? – спросил он.

– Его ранили в ногу, однако он воспользовался лошадьми убитых грабителей и повез Эдварда на ферму. С каждой минутой Эдди становилось все хуже. Рана в левом боку страшно кровоточила. Том тоже ослабел от потери крови. Он едва держался в седле, но думал только о том, как помочь Эдварду.

– Почему Том повез его на ферму?! – возмутился Джеффри. – Надо было ехать в город, к доктору.

– Том тоже так считал, но Эдвард не согласился.

– Глупец! – Джеффри встал с кресла. – Его могли спасти. – Он гневно взглянул на Лиззи. – А этот Том? О чем он думал? Почему не проявил настойчивость?

– Я уверена, что он поступил правильно, – решительно возразила Лиззи.

Барон пренебрежительно фыркнул и принялся мерить шагами комнату.

– На ферме работал человек, который разбирался в медицине. Уверяю вас, он сделал все необходимое. Но рана Эдварда была смертельной. Ни один медик не смог бы спасти его. – Лиззи хотела, чтобы Джефффри понял, какое благородство отличало его брата. – Эдвард стремился домой, чтобы сказать последнее прощание. Нет и не будет мужчины, столь преданного своей жене. – Ее глаза наполнились слезами.

– Да, дорогая, мы видим, что ты очень любила его, – проговорила леди Торнборо.

Джефффри резко остановился.

– Мы все любили его, – произнес он. – И сегодня Эдвард был бы с нами, живой и здоровый, если бы не покинул Англию. Из-за вас.

Лиззи предвидела вероятность такого обвинения, но от этого оно не стало менее болезненным.

Она поднялась с дивана.

– Скажите, лорд Сомервилл, – она умышленно сделала ударение на слове «лорд», – отчего вы так уверены, что Эдвард сейчас был бы жив, если бы остался здесь? Ведь Уильям никуда не уезжал. О нем наверняка заботились самые лучшие доктора. Тем не менее он умер.

Лиззи почувствовала, что задыхается – она не привыкла носить тугий корсет.

– Рия, немедленно сядь, – распорядилась леди Торнборо. – Тебе опять станет дурно.

Лиззи не пожелала садиться и подошла ближе к Джефффри.

– Эдвард сам принял решение отправиться в Австралию. Его не пугали опасности и тяжелая работа. Он верил в себя, в собственные силы, в новую жизнь, которую создаст своими руками. Часто ли вы встречали мужчин, готовых преодолеть любые преграды и отправиться на край света во имя любви?

– Лично я определенно не готов, – сообщил Джеймс.

– На край света? – презрительно повторил Джефффри. – Во имя любви? Какая глупость!

В это мгновение Рия и Эдвард возникли перед Лиззи словно живые. Она вспомнила, как они смотрели друг на друга, как держались за руки, как тихо, одними губами, шептали слова, понятные только им одним. Каждый их поступок был продиктован любовью – той самой, что даруется лишь избранным.

– Много ли на свете по-настоящему счастливых людей? Много ли союзов, заключенных по любви – страстной и беззаветной? Много ли мужей, которые боготворят своих жен? Да, боготворят. – Лиззи сознательно употребила это слово и достигла цели – на лице Джефффри появилась гримаса. – Вам хорошо рассуждать и осуждать. Вас ведь там не было. Вы сидели здесь, в Англии, со своими книгами. Что вы понимаете в настоящей любви?

Тут Джефффри шагнул к ней, взял ее за плечи и стиснул так, что она едва не вскрикнула от боли.

– Я вижу, вы знаете обо мне решительно все, – произнес он с усмешкой. – С такой же легкостью вы заявили, что имеете представление о долге. Позвольте мне усомниться в этом. Тот, в ком живо понятие о чести и долге, не станет пренебрегать ими ради столь эфемерного чувства, как романтическая влюбленность.

– Лорд Сомервилл, – нахмурилась леди Торнборо, – вы делаете ей больно.

Джефффри разжал пальцы. Лиззи непроизвольно поежилась и потеряла ладонью плечо.

– Сожалею, если причинил вам боль, – сказал барон. – Но не отказываюсь ни от одного своего слова.

– Я тоже, – отрезала Лиззи.

Она шла сюда с самыми добрыми намерениями. Ей хотелось, чтобы он гордился Эдвардом и примирился с прошлым. Но все ее попытки кончились ничем. Более того, этот человек позволил себе оскорбительные высказывания в адрес Тома.

Нет, она больше не станет говорить с ним.

И никогда не расскажет ему, что ее брат погиб, когда преследовал возможного убийцу Эдварда.

Глава 9

И снова, как и две недели назад, Джеффри вышел из дома леди Торнборо и зашагал по улице в полном смятении чувств после встречи с Рией. Его переполняло желание прийти в себя и собраться с мыслями.

Он откланялся, как только позволили приличия, пообещав леди Торнборо непременно заехать в ближайшее время. Но, ей-богу, все и так было яснее ясного. Эдвард умер, а Рия, хотя и оплакивала его, не испытывала ни малейшего раскаяния. За эти годы она ничего не поняла и ничему не научилась.

После ожесточенного спора о любви и долге Джеффри еще острее почувствовал собственное одиночество. Братья ушли навсегда. Из всей семьи остались только он и эта женщина. Формально их связывали родственные отношения, – но как простить ей все, что произошло по ее вине?

Вспоминая подробности неприятного разговора, Джеффри остановился на оживленном перекрестке. Его вывел из задумчивости чумазый мальчуган лет двенадцати, не больше. В одной руке он держал потрепанную метлу, а другую протянул за деньгами.

– Всего лишь пенни за чистую дорогу, сэр.

Джеффри спокойно мог перебраться через улицу без посторонней помощи, но как тут откажешь? Он пошарил в кармане, положил в грязную ладошку вдвое больше запрошенного и, не желая, чтобы это выглядело подаванием, строго сказал:

– Быстрее, пожалуйста.

Черная от пыли физиономия расплылась в широкой улыбке.

– Слушаюсь, сэр! – Мальчишка по-военному вытянулся, отдал честь и добавил: – Вдвое быстрее, сэр!

Он бесстрашно ринулся в поток экипажей и, мастерски орудуя метлой, принялся прокладывать тропинку среди мусора и конского навоза.

Джеффри уже собирался ступить на мостовую, когда рядом с ним остановилась карета и пронзительный женский голос заверещал:

– Лорд Сомервилл! Какая встреча!

О, этот голос, громкий до изумления. Он принадлежал леди Кардингтон – одной из тех напористых мамаш, что имели дочерей на выданье и вот уже несколько месяцев охотились за Джеффри.

Леди Кардингтон неумоимо устраивала будущее своей старшей дочери Люсинды. Неброская, но вполне приятная, Люсинда Кардингтон отличалась болезненной застенчивостью и во всем подчинялась матушке. Полная противоположность Рие.

Джеффри отогнал неуместное сравнение и учтиво поклонился, от души надеясь, что леди Кардингтон удовлетворится стандартным обменом любезностями и отправится восвояси.

Его надежды на скорое избавление не сбылись – дама приказала слуге, чтобы помог ей выйти из экипажа. Джеффри смирился с неизбежным. Долг джентльмена требовал набраться терпения и беседовать с ней столько, сколько ей будет угодно.

Извлечь из экипажа такую породную и вместе с тем суетливую даму, как леди Кардингтон, было делом нелегким. Однако ее слуга явно обладал немалым опытом; он виртуозно справился со своей задачей, прикрыл дверцу опустевшей кареты и удалился.

Леди Кардингтон улыбнулась Джеффри, и тот мысленно вздохнул, зная, что последует за этой улыбкой.

– Какая удача, что мы с вами встретились, лорд Сомервилл! Я послала вам приглашение на благотворительный бал, но до сих пор не получила ответа. Надеюсь, вы сочтете воз-

можным присутствовать, не так ли? – Она энергично кивнула, и все ее многочисленные подбородки заколыхались.

Джефффри входил в совет директоров той организации, в пользу которой устраивался бал. Скорее всего именно это обстоятельство заставило леди Кардингтон вспомнить о нуждах бедняков. Прикрываясь христианским милосердием, она желала лишний раз продемонстрировать барону свою дочь.

– Прошу простить, что задержался с ответом, – сказал он. – В последнее время у меня возникли кое-какие сложности.

Кое-какие сложности?.. Сложность была одна только. И не «кое-какая», а очень существенная и вполне определенная. Рия!

– Да, я слышала... – Леди Кардингтон понизила голос. – Скажите, правда ли, что вдова вашего брата Эдварда – упокой, Господи, его душу – недавно возвратилась из Австралии?

Джефффри на секунду опешил. Конечно, он понимал, что возникнут пересуды, но никак не ожидал, что слухи распространятся с такой скоростью. Рия еще ни разу не выходила из дома, а всем уже известно, откуда она приехала.

– Да, это правда, – нехотя подтвердил он.

– Примите мои самые искренние соболезнования по поводу постигшей вас тяжелой утраты.

Джефффри покорила ее скорбная мина. Сплошное лицемерие! На самом деле леди Кардингтон ужасно довольна. Смерть Эдварда подтвердилась, и последние сомнения в том, что он, Джефффри, останется бароном, исчезли. Теперь эта дама примется с удвоенным усердием навязывать ему свою дочь. Джефффри прямо-таки тошнило от ярмарки невест под названием «лондонский светский сезон».

– Благодарю вас, леди Кардингтон. Вы очень добры.

– Большое утешение, что миссис Сомервилл удалось благополучно добраться до Англии.

Джефффри внутренне поежился. Час от часу не легче! Ему придется привыкать к тому, что Рио называют «миссис Сомервилл».

Он кашлянул и сдержанно произнес:

– Да, благодарение Богу, она вернулась домой.

– Сколько испытаний, должно быть, выпало на ее долю в таком ужасном диком месте! – Леди Кардингтон покачала головой, и ее подбородки снова пришли в движение. – Особенно после кончины супруга. Но кажется, это случилось довольно давно. Если не ошибаюсь, срок траура близится к концу, не так ли?

– Да. Прошло почти два года с тех пор, как... – Джефффри замолчал, не в силах договорить.

В лице леди Кардингтон неожиданно промелькнуло нечто человеческое; ее глаза увлажнились, и она посмотрела на собеседника с искренним сочувствием. Впрочем, это длилось недолго.

– Разумеется, я включила миссис Сомервилл в список приглашенных на бал, – поведала она так, словно ожидала, что он обрадуется.

Рия на балу? В свете?

– Ей не здоровится, – сказал Джефффри. – Она тяжело переживает смерть мужа.

Что правда, то правда. Рия убита горем. Достаточно вспомнить, как она говорила об Эдварде.

– Нельзя замыкаться в четырех стенах. Она еще молода. Выход в свет поможет ей отвлечься, – заявила матрона.

И вновь Джеффри заподозрил, что леди Кардингтон прикрывает добрыми намерениями корыстный интерес. Ей наверняка не терпелось самым беззастенчивым образом расспросить Рию о жизни в Австралии.

— Так думаю не только я, — добавила леди Кардингтон. — Мне говорили, что она приглашена на бал к лорду Бошану в конце месяца.

Все ясно. Светское общество почуяло добычу и готово задушить ее в своих цепких объятиях. Джеффри невольно пожалел Рию. Ему ли не знать, каково ей придется.

Он сам оказался в похожей ситуации, когда покинул свой тихий приход и стал объектом пристального внимания лондонских «доброжелателей».

Он просто обязан был поговорить с Рией до того, как в нее вопьются леди Кардингтон и ей подобные. Конечно, леди Торнборо подскажет Рие, как себя вести. Однако его советы тоже не будут лишними. Он должен поддержать ее, хотя бы на первых порах. Если Рия приглашена на бал к леди Кардингтон, значит, и он там появится.

Отчасти удовлетворив свое любопытство и заручившись согласием барона присутствовать на балу, леди Кардингтон сочла свою миссию выполненной. Глядя вслед удаляющейся карете, Джеффри вновь попытался привести в порядок свои мысли. Рия... Странное дело, но в ней словно жили две разные женщины, одна — дерзкая и самоуверенная, другая — уязвимая и беззащитная.

Ее слова и поступки по-прежнему возмущали Джеффри. Но может ли христианин быть таким непримиримым? Тем более что речь шла о вдове родного брата... Не зря говорят: «Кто думает о родных, не забудет о чужих».

Всего несколько минут назад он был вне себя от гнева и не желал иметь с Рией ничего общего.

Сейчас ему очень хотелось увидеть ее снова. И как можно скорее.

Глава 10

– Рия, дорогая, как ты себя чувствуешь? – Леди Торнборо с тревогой посмотрела на нее через стол. – Может быть, послать за доктором?

Лиззи отложила вилку, так и не притронувшись к завтраку. Вчерашняя встреча с Джеффри выбила ее из колеи. Апатия, которую леди Торнборо приняла за физическое недомогание, была проявлением душевного смятения.

– Не надо доктора, бабушка. Я совершенно здорова.

Дворецкий поставил перед леди Торнборо серебряный поднос с письмами. По-прежнему с беспокойством поглядывая на Лиззи, она выбрала одно из писем и вскрыла печать. Надеясь успокоить леди Торнборо и избежать дальнейших расспросов, Лиззи снова взяла вилку и предприняла очередную попытку поесть.

Ей не давал покоя вчерашний разговор. Она защищала Эдварда и Рию с таким жаром, словно отстаивала не их правоту, а свою собственную. Кажется, она и впрямь постепенно теряла себя и превращалась в Рию. Что ж, в этом ведь и состоял ее план. Все шло хорошо, и надо бы радоваться. Но ей было очень тревожно и неуютно.

Единственный кусочек яичницы, который ей удалось проглотить, просился обратно, и Лиззи решила запить его чаем и больше не мучиться. Она бы с удовольствием выпила чашечку бодрящего кофе, но, к сожалению, Рия терпеть не могла этот напиток.

Ее вялые движения не укрылись от внимания Джеймса, сидевшего рядом с ней.

– У тебя весьма удрученный вид, кузина. Мне уже случалось замечать, что после беседы с Джеффри люди впадают в уныние.

Лиззи поморщилась, хотя понимала, что сегодня утром Джеймс и леди Торнборо непременно захотят обсудить эту тему. Вчера у них не было такой возможности. Сославшись на усталость, Лиззи поднялась к себе в комнату сразу после того, как ушел Джеффри.

Леди Торнборо оторвалась от чтения письма.

– Полагаю, Джеймс прав. Тебя огорчает, что вы с лордом Сомервиллом наговорили друг другу резкостей.

Резкостей? Слишком мягкое определение для бессердечных высказываний барона.

– Вы ведь слышали, как он отзывался об Эдварде! – воскликнула Лиззи. – Разве я могла оставить его возмутительные замечания без ответа?

– Не забывай, он только что узнал о гибели своего брата, – возразила леди Торнборо. – Его горе еще слишком свежо. Уверю тебя, со временем он успокоится и пожалеет о своих резких словах. И ты тоже. – Она привстала и погладила Рию по руке. – Вы должны наладить отношения. В конце концов, он твой родственник и очень значительный человек.

– Значительный? Вы имеете в виду знатный?

– Да. Твой муж принадлежал к титулованному семейству. И даже теперь, когда ты овдовела, это поможет тебе вернуться в общество. – Леди Торнборо указала на письмо, которое держала в руке. – Тебе уже присылают приглашения.

– Мне присылают приглашения? – изумилась Лиззи. – Как такое возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.